

An aerial view of a futuristic city at dusk or dawn. The scene is dominated by several tall, dark skyscrapers with intricate window patterns. In the center, a large, glowing, metallic dome structure sits on a raised platform. A wide, illuminated road or bridge curves around the base of the dome. The city below is densely packed with smaller buildings, some of which are lit up. The sky is filled with soft, golden light from the setting or rising sun, creating a dramatic atmosphere. A large red rectangular box is overlaid on the upper portion of the image, containing the author's name and the title.

Тим Яснев

ТИМ ЯСНЫЙ

16+

Тим Яснев Тим Ясный

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48640158
SelfPub; 2019*

Аннотация

Это история жизни одного писателя, ставшего популярным на заре нового советского государства. Повествование отчасти переплетается с событиями тех лет.

Предисловие

Все события и персонажи из этого произведения вымышленные и не имеют отношения к реальности.

Почему мини-роман?

В этом произведении я хочу рассказать полную историю жизни одного необычного человека, поэтому его стоило бы отнести к жанру романа. Но из-за привычного мне объема, характерного для повести, я вынужден назвать это произведение мини-романом.

Глава 1 Непростое детство

В обычный теплый летний день в подмосковном доме помещиков Березиных родился первенец. Было это первого августа 1898 года. Семья с нетерпением ждала появления на свет ребенка. Особенно его ждал отец – тридцатидевятилетний Лев Анатольевич – статный высокий офицер с длинными усами, зелеными глазами и толстыми бровями; он считал себя уже достаточно зрелым и боялся так и остаться без детей. Его жене – Людмиле Александровне, миловидной хрупкой девушке с каштановыми волосами и круглым личиком, было всего двадцать три, по сравнению с мужем, она была совсем юна.

Новорожденного мальчика назвали Марком, что в дальнейшем повлияло на его отношение к именам. На него влияло все, что происходило в семье. Как и любой ребенок, он как губка вбирал в себя все окружающее его.

Людмила была хорошей матерью. Она не стала нанимать няньку и все время проводила с любимым сыном. Марк был обыкновенным милым живым комочком с большими испуганными глазами, который вызывал у родителей умиление и радость.

Через два года после рождения Марка в семье появился еще один ребенок – Борис.

Детей окружали лишь родные и самые близкие знакомые его родителей. Из родственников в доме постоянно жил их дед – отец их отца – Анатолий Евграфович. Это был невысокий полный мужичок уже преклонного по тем годам возраста, он был глуховат и чуть слаб умом. Это заключалось в дырявой памяти и склонности к глупой настойчивости старого маразматика. Он любил употреблять в своей речи разные иностранные слова, часто путая их значения. Так он мог сказать гостям: “Предлагаю пройти в залу и сыграть с вами в реверанс”. (Имелось в виду преферанс). Или он мог сказать: “Там на антрекоте лежит мое пальто”. (Имелась в виду антресоль).

Из-за этих забавных оговорок дед был для Марка кем-то вроде шута. Мальчик любил поговорить с Анатолием Евграфовичем, особенно охотно он слушал его истории из богатой на случаи жизни дворянина, многие из которых были, правда, приукрашены.

Лев Анатолевич был строг и консервативен, что было

неудивительно для офицера. Он часто поучал сына, заставляя его запоминать правила этикета, разные полезные для диалога фразы на французском, что ужасно не любил Марк. Он все время спрашивал, почему мы, русские люди, должны говорить на французском? Отец отвечал ему: “Наш народный язык очень богат и похож на старый шкаф в чулане – там намешано всего со всех концов света. А французский – язык музыки, поэзии и просвещения. Он чист от иностранного словесного мусора”.

Мать Людмила была мягка к сыну и часто жалела его тогда, когда муж мог бы его наказать. Поэтому мать Марк любил больше, вернее так: мать он любил, а отца уважал.

Отношение к старшему брату у Льва Анатольевича было более требовательным. Скорее всего младший был еще маловат для поучений, и скоро должен был прочувствовать на себе бремя Марка.

Старший сын был любознательным и даже скорее любопытным. Он все время задавал вопросы, изучая родное поместье. Его любимым вопросом был: “А это для чего?”

Ответ родителей был чаще всего: для красоты – а для еще в дом нужна лепнина и кованые лепестки на перилах или подсвечниках?

И эта фраза: “Для красоты” ужасно раздражала героя. Он не понимал, зачем столько красоты в одном доме, и главное, зачем столько денег тратить на украшения дома, если можно потратить на еду или что-то другое, полезное.

Вскоре Марк начал занятия с учителями по музыке, иностранным языкам, математике и чистописанию.

Писать он любил, а вот считал с неохотой. Вернее, не любил цифры, а любил буквы. К музыке он относился с отвращением и не скрывал этого. Отец поначалу принуждал его к занятиям, а потом решил, что это бесполезно, и ограничился уроками вальса, так скажем, на базовом уровне.

С иностранными языками у Марка шло лучше, чем с математикой. Но все равно он любил больше всего русский язык за его понятность, в первую очередь, а во-вторых, за богатство.

В семь лет Марк знал наизусть несколько десятков стихов Пушкина, Лермонтова и других классиков. А еще мальчик любил придумывать себе в голове разные истории. Сидя в саду, он наблюдал за насекомыми и представлял, каково им жить в своем мире. Марк начал писать короткие истории о животных и насекомых в блокнот, подаренный отцом на восьмилетие.

Лев Анатольевич надеялся, что сын начнет вести дневник в нем, записывая только лучшие моменты в своей жизни. Но Марк, вопреки его ожиданиям, очень быстро исписал блокнот рассказиками своим размашистым детским почерком. Узнав об этом, отец сделал вид, что все хорошо, но на самом деле расстроился и начал разочаровываться в первенце.

Зато младшему теперь доставалось то же, что два года назад Марку. Но Боря был спокойнее и как будто воспитан-

нее брата. Он без пререканий изучал все, что ему давалось, с разным успехом, но с равным терпением.

В результате отец решил, что младший сын станет лучшим преемником, чем старший. Но окончательно убеждаться этом он пока не мог.

Марк стал писать рассказы теперь и про людей, благо мать снабжала его бумагой и восхищалась его творчеством, а еще в тринадцать лет герой впервые написал стих. Стих понравился и отцу, тогда он на мгновение заколебался насчет своего предпочтения наследника, но пока решил устроить некую проверку Марку.

Тогда же мальчик придумал себе псевдоним – Тим Ясный. Почему Тим? Он объяснил это тем, что имя короткое и понятное. К тому же любимым героем своих рассказов у него был пес Тимка. А Ясный потому, что герой писал ясно, без излишних подробных описаний и лирических отступлений с переходом на французский, как у некоторых классиков.

В четырнадцать лет отец отдал Марка в лицей. Он хотел сначала отдать его в кадетский корпус, но понял, что его впечатлительный и шупловатый сын не станет офицером.

С лицеистами герой общался поначалу тяжело, ведь до этого практически не разговаривал со сверстниками. С дворовыми мальчишками, вечно смеющимися и орущими где-то за забором, отец ему связываться запрещал. А гостей, тем более детского возраста, в доме Березиных было мало.

Лицей стал для героя не только местом получения теоретических знаний языка и точных наук, но и жизненного опыта и представления о суровой реальности.

Оказывается, не все люди богаты и могут позволить себе роскошь, к которой привык герой. Но главное, что это все же люди, такие же самые, как и богатые, только живут в грязи. Эта несправедливость жизни ужасно исказила мировоззрение Марка, и он пошел по пути набиравшего популярность движения большевиков.

Началась Первая Мировая Война. Отец ушел на фронт, а Марк продолжал обучение. Тогда герой всерьез задумался о Всевышнем.

До этого он имел достаточно полное представление о Библии, он прекрасно знал, кто такой Иисус, но не верил в то, что он действительно творил чудеса. Концепция теистического устройства мира никак не устраивала героя. Он понимал, что справедливости в жизни нет: одни живут бедно, другие богато, хорошие умирают рано, плохие живут долго, постоянно в мире происходят войны, и от них гибнут невинные люди.

Тогда юноша стал писать стихи о своей не вере в бога. И эти стихи оказались для него спусковым крючком в круговороте конфликтов: сначала в письмах с отцом – глубоко верующим человеком, потом с лицеистами, правда не со всеми. Были и те, кто поддерживал юношу. Один даже говорил,

что стихи Тима Ясного (не атеистические, а другие) можно отдать в редакцию какой-нибудь газеты. Это был Петр – хороший друг Марка. Он тоже иногда писал стихи и увлекался литературоведением.

Но со стихами дело не пошло. С рассказами тоже. Обращения в редакции не принесли результатов. Тогда юноша подумал, как было бы хорошо стать писателем и толковать народу истину, которая скрыта от него за занавесом традиций и правил. Что если все сломать и начать строить общество по-новому?

И случай пришелся очень кстати.

Глава 2 Это все большевики

По окончании лицея, Марк был отправлен отцом, вернувшимся с фронта из-за ранения в ногу, в МГУ на филологический факультет. Несмотря на тяжелые отношения с сыном, Лев Анатольевич решил дать ему шанс на нормальную жизнь, надеясь, что Марк прославит семью, став писателем.

Марк с начала учебы в университете перебрался поближе, он жил один в трехкомнатной квартире на Большой Никитской.

Учеба шла спокойно и достаточно интересно. В университете юноша нашел много хороших собеседников, некоторые из них поддерживали его в стремлении изменить общество. Таким человеком для Марка стал Максим – мещанин, отчасти воспитанный законами города и улицы, а не няньками и персональными преподавателями.

Отец Марка называл его и подобных ему людей за глаза “Новыми декабристами”. Все же офицеру было жаль сына, он думал, что тот в порыве своих амбиций попадет в тюрьму за измену стране, но получилось совсем наоборот.

Февральская революция изменила жизнь в стране на до и после. Теперь шла нешуточная борьба между старыми порядками и новыми.

Естественно, Марк был на стороне большевиков. Он входил на демонстрации вместе с соратниками, и там во всеуслышание были впервые прочитаны его революционные стихи.

Надо сказать, стихи у Марка были грубыми по слогу, но он считал, что простая рифма слишком скучна. Поэтому его произведения часто звучали так:

*Мы – свободные люди,
Нам не нужен царь,
Мы устои забудем,
И церковный алтарь
Превратим мы в музей,
Берем красный флаг,
Созываем друзей,
А кто не с нами - тот враг!*

Родители Марка, да и его младший брат, были поражены его наглостью и предательством традиций семьи и дворянства в целом.

Лев Анатольевич был сокрушен. Он не знал, что будет с его домом, его семьей. Все, что было создано вековыми традициями, разрушалось на глазах.

Борис Березин был настоящим продолжателем рода, таким же консерватором и прожигателем чужих денег. Он частенько проигрывал в карты крупные суммы, но отец все равно любил его больше Марка, хотя бы за преданность царю и дворянству.

Крестьяне, ранее работавшие на Березиных, взбунтовались, и к лету 1917 года семья лишилась источников дохода.

Помимо загородного имения в Подмосковье, у Березиных было еще две квартиры в центре города. В связи с тяжелой обстановкой, пришлось переехать туда.

Когда Марк узнал, что к нему переезжает брат, он негодовал. Но все же оставить родственника в беде не мог, поэтому принял его к себе.

Родители вместе с сестрой матери заехали в другую квартиру, на Арбате.

Из чувства преданности семье, Марк приезжал к родителям три-четыре раза в неделю.

Мать была несчастна и покорна. Она не снимала платка и натальной иконки и часто подолгу сидела перед красным углом, молясь о спасении семьи и страны от “Красных варваров”, как их называл отец.

Лев Анатольевич стал мягче, вернее, просто перестал тратить силы на отчитывание сына. Он смотрел на него своими

карими глазами, покручивал ус и с тяжким бременем на душе осознавал результат своей воспитательной работы.

Офицер подолгу смотрел на портрет ушедшего из жизни отца. Он скончался весной от сердечного приступа. В последнее время Анатолий Евграфович был слаб здоровьем, а после событий в Петрограде и вовсе поник.

А сын смотрел на родителей своими зелеными, чуть испуганными глазами, поглаживал серебристые волосы и мелкую щетину на лице и не знал, что сказать им. Он не хотел причинять боль родным, но понимал, что они не смогут ее миновать. Впереди самое главное для страны и самое страшное для дворянства – полное аннулирование их владений и прав.

Октябрь выдался тяжелым для всей России. Большевики захватили власть в стране и принялись наводить свои порядки. Был принят “Декрет о земле”, который лишал помещиков права на владение землями крестьян. Теперь высшее общество вынуждено было или бежать из страны или упасть до уровня простого народа.

– Пронины уезжает во Францию, – заявила Людмила Березина на семейном совете, – может и нам уехать пока нас не убили?

– Я не смогу. Ты же знаешь, с каким трудом я доехал сюда с фронта. С моей ногой мне не выехать из страны, – отрезал Лев Анатольевич.

– Я бы уехал, – сказал Борис.

– Тебе лишь бы уехать и жить без хлопот, – осуждающе заявил Марк, – а кто будет новое поколение поднимать? Ты нужен здесь, а не в Париже. Хотя я буду рад, наша квартира станет снова моей.

– Да тебя никто не спрашивает, – огрызнулся брат, – возьми и уеду. Я не собираюсь оставаться в стране, где в любой момент могут убить свои же люди.

– Я могу поехать с Борей, – заявила Ольга – сестра матери. Она была похожа на Людмилу, у нее были те же скромные и покорные глаза, широкое миловидное лицо и темные волосы. Она осталась вдовой после того, как ее мужа убили на войне на восточном фронте.

– Поезжайте. Я не против. Надеюсь, там вам будет лучше, – сказала мать Марка.

– Торопитесь. Большевики скоро придут за нами, – заявил Лев Анатольевич.

– Придут, придут, – то ли радостно, то ли печально произнес себе под нос Марк.

Через несколько дней Борис уехал вместе с тетей во Францию. А остальное семейство осталось на родине.

Стоит упомянуть и то, как же все-таки выглядел наш герой. Его внешность менялась с возрастом, поэтому ее описание стоит проводить только по достижении взрослости.

Как говорилось ранее, у него были немного испуганные зеленые глаза и серые волосы, также у него был округлой ак-

куратной формы нос, не лучшая, но зато всегда только искренняя улыбка. Он был высокого роста, стройный и спортивный.

У Марка был низкий голос с легким “французским” говором в нос. Это было связано с частыми насморками у героя. Но в целом, он был здоров, пусть и не особо физически силен.

Березин носил всегда и везде классический костюм: серый пиджак с двумя пуговицами и серые брюки. На голове всегда была серая шляпа с большими полями и ямочкой на макушке, которая совсем недавно вошла в моду, вытеснив котелки и цилиндры. Костюм он преображал различными галстуками и рубашками. Его любимое сочетание было: красная рубашка и желтый галстук или наоборот, за что позже его прозвали в университете Ходячим Флагом. Цвета были подобраны специально, чтобы показать свою преданность новому правительству.

Как-то раз отец Марка сказал жене:

– А вдруг Марк просто прикрывается преданностью большевикам, чтобы остаться в положении полноценного гражданина?

– Может быть. Я думаю, он не способен причинять боль другим, а просто играет свою роль перед этими захватчиками, – заявила Людмила, – он же писатель – творческая натура, выдумал себе роль и играет ее. С волками жить, по-волчьи выть. Сам знаешь. Может и нам надеть маски?

– А как же вера? Как же бог? Эти, пардон за выражение, выродки, не признают даже бога! – возмутился отец, – не можем же мы демонстративно сжечь иконы и снять с себя кресты?

– Боже упаси! Нет, конечно, – воскликнула мать.

– Вот именно! А наш сын уже давно снял крестик и не молится богу. Он даже не говорит ничего вроде: “Слава богу” или “Не дай бог”. Нет. Он не актер, а самый настоящий безбожник и циник!

– Господь и его простит. Он всех прощает, – сказала непонятно к чему Людмила.

– Вот именно. Господь нас простит, но души наши к себе заберет сейчас, а Марк будет жить без веры и креста долго и счастливо! Как это назвать? А? Людочка, – Лев Анатольевич прижался к жене и испустил жалобный всхлип.

– Погоди помирать. Может все еще переменится.

– Хоть бы. Главное, чтобы сынок наш не попал под замес в этом водовороте дьявола...

Глава 3 Дамы и сердце

Соседи Березиных-старших по квартире были весьма неплохими людьми. Глава семейства – Алексей Хворостов – был богатым купцом и имел в профессиональных кругах достойную репутацию. У него было трое детей. Старшей была восемнадцатилетняя дочь Анна, милая привлекательная особа с классическими ужимками богатой дамы. Младше нее были два брата. Старшему было четырнадцать, а млад-

шему всего восемь.

Березины понимали, что теперь границы между классами общества стираются, и для Марка не будет теперь зазорным найти себе пару в скромных кругах. Но Анна Хворостова была прекрасной, по их мнению, претенденткой на роль невесты. Поэтому как-то раз семья Березиных была приглашена в гости к соседям. Марк ни о чем не подозревал и вел себя естественно и обыденно: не засыпал представительниц прекрасного пола комплиментами, не выеживался в плане этикета, в общем, чувствовал себя спокойно. Но только он, а не его родители. Они все смотрели на героя, ожидая от него знаков внимания к девушке.

Юноша смотрел на Анну с некоторым интересом. Ее привлекательные формы и нежные аккуратные черты лица не могли оставаться без внимания, но это была для него просто соседка. Он немало до этого видел красоток на улицах или на светских мероприятиях, но не бросаться же на всех подряд?

Да, стоит упомянуть о первом бале Марка, случившемся в восемнадцать лет. На нем он чувствовал себя скучно, станцевал пару танцев с какими-то разодетыми дамами в корсетах и белых перчатках, но не почувствовал себя счастливым.

Надо признать, одной юной красавице, также впервые побывавшей на этом мероприятии, Марк очень понравился. Герой краем уха слышал ее разговор с родителями после окончания танцев:

“Боже! Если все балы так прекрасны, как этот, а все кавалеры так статны и мужественны, как тот молодой человек, с которым я танцевала первый танец, то для меня это просто райское наслаждение!” – говорила она с восторгом своим родителям.

“Это был сын графа Березина, кажется, его зовут Марк”, – пояснил отец.

А сам Марк даже не запомнил внешность этой девицы. Она была похожа на остальных: в ней было много фальши и много необузданных первых эмоций, которые исчезают очень скоро, и от восхищенного взгляда дамы не остается ничего настоящего.

Все эти туго затянутые корсеты, напудренные и нарумяненные лица не имели ничего общего со своими привычными обыденными наружностями. А Марк ценил правду без прикрас и обмана. Наверное, поэтому холодно отнесся и к незнакомке на балу, и к соседке Анне.

Их пытались познакомить поближе. Из любопытства герой решил подыграть родителям и впрямь заинтересовался Хворостовой. Но через несколько свиданий в красивой обстановке, они поняли, что совсем не подходят друг другу.

Он – революционер, правдоруб и атеист. Она – обыкновенная кукла а-ля дама из высшего света. Куклы не были интересны юноше, какими бы красивыми они не были, как бы хорошо не вели беседу и какими бы знаниями не блистали.

Герою была нужна женщина-друг. Похожая на него, само-

стоятельная и никакая не скромница-кокетка.

Но такой в округе не было. Вернее, конечно, были, но найти ту самую было тяжело, ведь у Марка не было инструкций по поиску женщин такого необычного типажа.

Время шло. Отец Марка был вынужден устроиться на работу. Мать пока искала занятие, не слишком позорное для себя, как ткачиха или уборщица. Марк, к счастью для семейного бюджета, был переведен на бесплатное обучение за свои успехи.

Имущество Березиных, то есть поместье, личные вещи и даже иконы отобрали большевики. Со скрипом они оставили Марку целую квартиру. И то потому, что он очень им понравился в плане своего мировоззрения.

Но, осознавая неизбежное, Березины заранее припрятали самое ценное – фамильный сервиз из золота и старинную икону из латуни с эмалью. Она была необычайно красивой, но главное, что она была практически символом семьи и ее традиций. Ее передавали из поколения в поколение уже полтора века. Когда-то далекий предок Марка взял эту икону из дома своей бабушки. По ее словам, она помогла ей встретить его деда. И с тех пор икона стала талисманом Березиных.

Естественно, Марк знал, где находится тайник. Икона была для него бесполезна, но само ее наличие в этом тайнике делало положение семьи несколько неустойчивым. Юноша сам понимал, что может сдать властям местонахождение

тайника в случае чего. И с этим компроматом у героя появлялась некоторого рода власть над родителями. Правда мысли об этом были несколько циничны, и их приходилось выбрасывать из головы.

Из Франции изредка приходили письма от Бориса и Ольги. Они жили в небольшом загородном доме под Парижем и чувствовали себя беженцами. У них была работа и собственность, но не на родной земле, что лишало их радости владения ею. Тянуло назад, на родину, но вернуться было нельзя. На родине перестали принимать гостей, пусть это даже и родные русские люди.

Незнакомка, влюбившаяся в Марка с первого взгляда на балу, уже было вылетела из головы героя, но однажды, ранней весной 1918 он увидел ее возле своего дома. Она была одета уже не так, как тогда: на ней было серое пальто, а под ним простое светлое платье, руки были без перчаток, какие-то грязные, а на лице была уже другая, искренняя, улыбка и слезы. Слезы радости сквозь страдания и печаль, которые она уже успела пережить.

– Здравствуйте, Марк, М-марк Львович, правильно? – запинаясь и волнуясь, спросила она.

На ее голубых глазах блестели капельки слез, ее тонкие губки слегка поджимались, а ее ручки то и дело трогали длинные серо-русые волосы.

– Да, только прошу вас, не называйте меня так. Я вас помню. Я где-то вас видел, – задумчиво произнес Марк.

Тут в его голове всплыл первый бал, и он узнал в этом совсем другом лице ту самую восхищенную незнакомку.

– Это вы? – удивленно спросил юноша, – это с вами я танцевал первый танец?

– Да, – сказала героиня и утерла слезу рукой.

– Почему вы плачете? – спросил герой.

– Я жила эти два года только одной мыслью: увидеть вас снова. Я боялась, что вы погибли или уехали из страны. Но вы тут! – девушка прижалась к плечу Марка, а она была по росту чуть выше его плеча.

– Давайте пройдем ко мне в квартиру и поговорим в спокойной обстановке, – предложил парень.

Он взял ее под руку и повел в дом. Его мысли теперь были о ней. О той, самой, с которой, наверное, его свела судьба...

Глава 4 Слепое сердце

Марк проводил девушку в квартиру, и она сразу же восхитилась тем, что он живет один.

– Мне оставили одному эту жилплощадь поскольку я оказался для госслужащих надежным человеком, – заявил герой.

– А я вынуждена жить вместе с матерью, сестрой и бабушкой в двухкомнатной квартире на Большой Тверской. Моего отца убили большевики, – гостья не могла прекратить плакать.

– Хотите чаю? – спросил Марк.

– Давайте, если вам не сложно. Мне будет очень приятно.

– Вытрите слезы, – сказал юноша и протянул героине носовой платок.

– Спасибо. Вы очень добры.

Березин ушел на кухню, чтобы заварить чаю, а незнакомка прошла в уборную, чтобы привести себя в порядок.

Пока герои были некоторое время порознь, парень гадал, что же случилось с ее отцом, раз его убили.

Герои сели за стол на кухне.

– Чай скоро будет. Расскажите, если вам не тяжело вспоминать об этом, что случилось в вашей семье? Почему вашего отца убили? – поинтересовался Марк.

– Он сказал, что не отдаст никому то, что с давних пор принадлежало нашему роду, и что никогда не снимет креста. В результате его застрелили прямо у нас на глазах, а нам оставили только одну квартиру. Мать устроилась работать нянкой, а мне пришлось пойти прачкой. Вот, видите, какие у меня стали руки? Я стеснялась к вам идти в таком виде, но потом поняла, что вам, наверное, не лучше, и пришла.

– А все же зачем вы пришли? Неужели я вам так запомнился, что вас мучила жажда новой встречи? – удивился Марк.

– Да, это странно. В сказках и романах это называется любовью с первого взгляда. Мне ужасно стыдно, и я долго не могла решиться прийти к вам и сказать вам это так прямо.

У вас неверное есть любимый человек?

– Нет. Это очень непростое дело – поиск того единственного человека, которого будешь любить до конца жизни. Поймите, ваши чувства могут обманывать вас. Я просто понравился вам внешне, но тогда я носил маску, так же, как и вы. Сейчас я вижу вас совсем не той, которую я видел тогда, на балу. И я другой. Вы влюбились в образ, в картинку практически.

– Но я не успокоюсь, пока не узнаю вас настоящим. Кто вы на самом деле?

– Я не в вашем вкусе. Я вообще зверь для вас. Не портьте себе настроение.

– Нет. Вы скажите все, что в вас есть плохого. Я пойму, я приму. Только скажите, а не то я останусь той же беспомощной птичкой, запертой в клетке мечтаний.

– Ладно. Во-первых, я атеист.

– Вы за новую власть? – спросила героиня.

– Да. Я считаю, что наша жизнь сильно устарела. Нам пора избавляться от оков привычек и обрядов. Нам пора жить свободно. Всем пора жить свободно. Вы понимаете, что ваши предки, да и мои предки веками эксплуатировали ни в чем не повинных людей? А почему? Да так повелось бить и унижать бедных, вот и продолжаем. А то, что они сделаны из той же плоти и крови, что и дворяне-белоручки, никто не берет во внимание. А религия во всем потакает помещикам: мол, грех на хозяина жаловаться, человек должен страдать,

и ему где-то там на небесах зачтется.

– Вы правы, – девушка расплакалась. Она понимала, что говорит Марк, но ее привычки и догмы разжигали ненависть к словам героя.

– Простите, как вас зовут? – спросил юноша.

– Лариса. А вы не помните даже моего имени?

– Нет. К сожалению, не помню. Вам достаточно моих мыслей?

– Нет. Говорите. Я должна знать все.

– Я ценю только истину. Я не признаю лжи и масок. Я предпочитаю видеть людей насквозь. Без украшений одеждой и лоском манер. Вы сейчас сидите рядом со мной такой естественной. Мне это нравится. Мне все равно, чистые ли у вас руки, главное, чистая ли у вас душа.

– Это прекрасно. Я как раз сегодня так естественна, даже до неприличия.

– Не бойтесь. Мне это только приятно. Я не знаю, что еще сказать про себя.

– Если это все ваши недостатки, то... – Лариса задумалась.

– Что? Вы разочаровались во мне? – герой смотрел в заплаканные глаза девушки и понимал, что она не сможет этого сказать, ведь не привыкла быть настолько откровенна с незнакомыми людьми.

– Я, я, – гостья терялась в словах и не могла выдавить из себя что-то внятное.

Она зарыдала, а Марк подошел к ней и прижал к себе. Лариса была такой нежной, ее женственная стройная фигура манила к себе, растапливая сердце сурового реалиста-правдоруба.

“Неужели судьба? – думал юноша, – Она не в моем вкусе. Она... а что она? Что я о ней знаю? за что клею ей на лоб штамп изнеженной особы? Если она пришла ко мне в таком виде, сама, значит, она уже не так плоха.”

Герои простояли в этом странном положении статуи около минуты, прежде чем хозяин дома разорвал объятия госты под предлогом чая.

Он налил себе и ей чашечку горячего напитка. Девушка успокоилась, и герои продолжили разговор уже на другую тему.

Марк рассказал о своем главном хобби – письме. Лариса была поражена тем, что ее ку мир не просто красив, но и талантлив. Он зачитал ей несколько стихов, но она вопреки ожиданиям заявила, что они слишком грубы и сложны в понимании.

Но Марк знал, что его стихи как раз понятны всем, кто умеет думать, но она просто не хотела понимать смысл его пропагандистских революционных стихов.

– А у вас есть стихи о природе или скажем, любви? – спросила она.

– О природе есть, но он мне не нравится. А про любовь я не писал. Чтобы написать о любви, надо любить. А я нико-

гда в своей жизни не любил женщину так, как это описывают романтики. Я не романтик. Я реалист. И оптимист, конечно. Я всегда смотрю на все с лучшей стороны, что конечно не дает права закрывать глаза на проблемы и темную сторону того или иного явления. Соглашусь, и у революции есть масса минусов. Моя семья, да и ваша семья это хорошо почувствовала, но все же плюсов больше. Просто это надо осознать и верить в то, что поступаешь правильно.

– А как же бог? Я все могу понять, но не это. Как можно не признавать очевидного?

– А вы его видели? Говорили с ним? Или может живете с ним в одном доме? – с насмешкой и осуждением произнес юноша.

– Нет. Но я чувствую его присутствие. Бог есть. Он всех нас видит и слышит.

– Правда? Тогда почему я еще жив? – удивился герой.

– Наверное потому, что вы заслуживаете жизни. Он ждет, пока вы покаетесь и поверите в него.

– Да? Вот тебе, а не покаяние! – Марк показал фигу в потолок, – видишь? Боженька, тоже мне!

Лариса вновь зарыдала и упала под стол. Березин понял, что наговорил и наделал лишнего, но ведь это была правда. Она же сама попросила рассказать про все его минусы.

Вот он и рассказал.

Лариса вскочила с пола и побежала прочь. На пороге она

сказала:

– Прощайте. Может быть мы еще встретимся, но я больше не буду смотреть на вас так, как полчаса назад. Вы разбили мне сердце!

– Вы сами влюбились в меня, я лишь станцевал с вами свой первый танец! – окликнул Марк девушку, но она уже скрылась за дверью и побежала на улицу.

Юноша видел из окна, как она убегала вся в слезах.

“Разве я виноват? Что я сказал? Что не признаю бога? Таких сейчас полно. Не зря ведь мы побеждаем над консерваторами,” – подумал герой.

Глава 5 Грех на душу

Встреча с Ларисой осталась в памяти юноши как страшный мимолетный сон. Но совесть все-таки начинала мучить Березина. Это было его особенностью: он не мог долго терпеть раздора с кем-то, принимал вину на себя и первым приходил извиняться.

Но тут ситуация была очень непростой. Парень формально был виноват только за свой хулиганский жест и свое обращение к всевышнему. А за остальные слова он не несет вины.

Нельзя же винить человека за его мировоззрение. Он таким вырос, его таким воспитали. Правда атеизм в Марке развился сам, но не только ведь по его персональной воле. На это повлияло общество и обстоятельства.

Но Марк мог бы и не упускать такой хороший шанс по-

знакомиться с девушкой, которая, к тому же, без ума от него. А может и плохо, что без ума. Все-таки герой ценил в людях разум и рациональность в поведении. А любовь, тем более такой порыв страсти и чувств не мог продолжаться долго. А зачем Марку были нужны кратковременные отношения?

Сюда можно добавить стихотворение, которое Марк написал через несколько дней после встречи с Ларисой:

“Страсть как бенгальский

Огонь,

Быстро сгорает –

И чувства вон.

Любовь же как пламя

Свечи,

Долго греет

Две близкие души.

А дружба как лампа

Накаливания,

Долго греет она

Без таяния.

Поэтому цените

Друзей,

А не страстно влюбленных

Людей!”

Надо заметить, что стихи Марка писались и произносились по-особенному. Одна строчка делилась на две, а в том месте, где она прерывалась, следовало ставить паузу. Таким

образом Тим Ясный имел собственный ни на что не похожий стиль стихосложения.

Марк долго не мог отойти от странного и тяжелого разговора с Ларисой. Часто, идя по улице, герой оборачивался. Ему казалось, что девушка стоит рядом и ищет в толпе его взгляд. Иногда ему мерещился силуэт Ларисы, но он не придавал этому особого значения, принимая это за остаточные явления от пережитого потрясения.

Но все же в какой-то момент юноша решил прийти к Ларисе и извиниться. Он помнил, что она живет на Большой Тверской. Но она длинная, и искать девушку будет так же сложно, как когда-то было ей искать Марка.

Березин еще утром купил коробку с хорошими пирожными, после обеда он надел шляпу и вышел на улицу в этот промозглый мартовский день.

Герой шел долго по улице и спрашивал у прохожих, не знают ли они девушку с серебристыми волосами по имени Лариса.

Но никто о ней не знал. Самое обидное заключалось в том, что парень даже не знал ее фамилии. Почему он был так невнимателен на первом балу?

Пройдя почти до конца улицы, герой уже разочаровался в поисках, но вдруг заметил на крыльце одного из подъез-

дов старого облезлого дома пожирую на вид женщину. Она плакала и вздыхала, иногда переводя взгляд в небо. Сначала юноша хотел подойти к ней и задать стандартный вопрос про Ларису, но потом решил, что не стоит тревожить бедную женщину.

Он лишь подошел поближе, как будто изучая табличку с номером дома. Из неразборчивых междометий и всхлипов Березин смог расслышать: “Что ж ты, девочка моя? Зачем повелась на этого безбожника? Зачем перед Господом богом унилась? Не пустят тебя в рай, Ла... Ларисочка”.

“Ларисочка?! – Марк аж закашлялся, – Что? Она мертва?”

Герой понял, что пора ему уходить, пока его не обвинили в том, чего он не совершал, но было поздно. Женщина обернулась и спросила у парня ненавязчивым тоном:

– Вам кого надо? Что вы тут стоите?

– Никого. Я ошибся домом.

– А что это у вас, сударь в руке? Никак подарок кому-то? – зацепилась женщина, постепенно напрягая тон.

– Да. Простите, а что у вас случилось? Может вам помочь? – постарался сгладить обстановку герой.

– Дочь моя, царствие ей небесное, руки на себя наложила. Из-за дурака одного. Влюбилась в него по уши с первого взгляда. Пришла к нему недавно, а он, – женщина вздохнула, – а он оказался таким гадом! В бога не верит, верит в коммунизм! Дурак одним словом! А еще из дворянских кровей!

– Ужасная история. Хотите, возьмите пирожные. Может

вам от этого хоть немного легче станет? – предложил юноша.

– Спасибо, – мать Ларисы взяла подарок, – только мне это никак не поможет. Мне бы найти того гада, что мою кровиночку со свету сжил, да придушить.

– Держитесь. Бог вам в помощь, – сказал специально Марк, чтобы прикинуться “своим”. Он развернулся и хотел пойти прочь.

– И вас бог храни. Стойте, я вас где-то видела! – заявила женщина, – а вы случайно не из дворян?

– Из них из самых. Мы могли видеться на балу или еще где-то. А теперь, простите, мне пора.

– Точно. На балу! – ахнула мать Ларисы, – точно. Это не вы случайно с моей Ларисочкой вальс кружили?

– Не помню такую. Мне вообще балы не нравятся, – Марк понимал, что ходит по острию ножа. Сердце забилося, в глазах начинало мутнеть.

“Пора идти” – понял Березин.

– Помнишь, гад. Помнишь! Это ты и есть тот самый Марк Львович, – воскликнула женщина.

– Нет, что вы, прости господи, я не мог! Что вы? Я не Марк П-петрович или как вы его назвали, – пытался отговориться юноша.

– Да он самый. Я-то тебя помню! – стала наезжать мать Ларисы, – Ну Господь тебе судья. Не буду грех на душу брать, а то бы покончила с тобой. Но помни: молиться тебе на смертном одре долго-долго. Тебя кара настигнет и никакое крас-

ное зная тебя не спасет! И пирожные свои забери! – женщина кинула в Марка коробкой, но он увернулся и побежал.

“Что я наделал? – с горем и стыдом подумал Березин, – как так? Как она смогла наложить на себя руки из-за меня? Неужели можно с первого взгляда приковать себя навеки к одному человеку? А вдруг это была любовь всей моей жизни? Хотя что за глупости? Полюбил бы я эту верующую? Но все равно. Как жаль. Загубил невинного человека”.

Придя домой, Марк налил себе коньяку, который стоял за стеклом в шкафу скорее для декора, ведь в его семье пили мало, и налил себе хороший стакан. Выпив, он лег на кровать, и глазах все потемнело...

Глава 6 Творчество

Проснулся Марк в самом поганом настроении. Он не знал, что теперь делать с фактом доведения до самоубийства несчастной девушки. Хоть оно и не было доказано, но совесть героя этого и не требовала. Юноша чувствовал себя виновным в случившемся.

Если бы Марк был верующим, он бы пошел в храм и стал бы долго молиться во искупление своего греха. Но он был реалистом и “человеком нового поколения”, как он сам себя называл, поэтому в таком случае он бы мог разве что пойти в милицию и признаться в преступлении. Правда тогда бы за ненадежностью улики дело закрыли, а парня скорее всего отправили домой, или что хуже, на лечение в психиатрическую клинику.

Такой путь Марк не стал выбирать. Он решил отвлечься от проблемы и сел за написание повести. Ее сюжет был в скором времени прописан в дневнике молодого писателя по главам, он хорошо продумал все детали и приступил к работе.

Повесть шла хорошо. Язык пера, что называется, “не заплетался”, мысли выстраивались в предложения, а предложения в страницы нового произведения.

Надо заметить, почерк у Березина был своеобразным: наклон вопреки привычным канонам письма был в левую сторону, хотя он писал правой рукой. Да и буквы были не похожи на привычные их изображения на бумаге другими людьми. Так букву “ж” он писал как три палочки, а “х” именно так, как и в печатном варианте.

Надо сказать, 1918 год стал для Марка, то есть для Тима Ясного важной датой.

Во-первых, была проведена реформа языка. Из письма были изъяты такие буквы как “і” и “ѣ”. Также в конце слова на твердую согласную перестали писать “ь”. Но изменениям подверглись и такие случаи: вместо “синяго” или “чистаго” стали писать “синего” или “чистого”. Но не буду вдаваться в подробности орфографии начала XX века.

Так вот, эта реформа затронула писателя как никого другого. Теперь приходилось переделывать написанные страницы новой повести, а также учиться по-новому писать, иногда даже переделывать привычные рифмы. Например, вме-

сто “ея книг” теперь было положено писать “ее книг”.

Четверостишие из одного стихотворения пришлось пере-
делать:

“Нам от церкви ничего

Не надо,

Мы не читаем

Книг ея,

И истории о рае

С адом

Мы не слушаем

С этого дня”.

(Эх, жаль, что нет в текстовом редакторе курсива в другую сторону).

С этим стихом изначально было все хорошо. Но реформа заставила героя начать переделывать его. Но ничего не получалось. Тогда юноша плюнул на это и оставил стихотворение таким.

Повесть, над которой так усердно работал Марк, была готова к зиме. Ее прочитали родители героя и были в восторге.

В ней описывалась жизнь простого горожанина, который однажды встретил красивую девушку из дворянского рода. Он пытался показать себя с лучшей стороны, но он был слишком мелок и невзрачен в глазах этой дамы. Однако революция сделала свое дело: семья девушки была сослана и убита, а она сама оказалась одна в большой Москве. И лишь

наш герой смог приютить ее и помочь освоиться в простом мире без привычной фальши и роскоши.

Повесть была романтической, хоть это и не было свойственно для Тима Ясного. Но ему захотелось написать эту историю, и он ее написал. Он говорил, что сейчас пишет только то, что думает и чувствует. История была практически не выдуманной. За основу образа дворянской особы была взята Лариса, а главного героя – с самого Марка. Герой был рад, что увековечил память о напрасно погибшей девушке в своей книге. Он посчитал это выполненным долгом перед ней.

Он часто писал о людях, похожих на себя, ведь во время написания повести он превращался в этого героя, думал за него и принимал от его лица действия. А писать о человеке, не похожем на себя, герой не мог. Он просто не мог представить, как мыслит такой человек.

Марк давал прочитать свою повесть однокурсникам, и они по-разному, но в целом положительно оценили его труд.

Лучший друг Марка Максим заявил, что это почти что классика XIX века, и что это произведение стоит того, чтобы его напечатали.

Однокурсница Березина Ангелина тоже прочитала повесть. Она была довольно неплохим человеком. В последнюю очередь для Марка, она была достаточно неважной внешне: у нее были острые черты лица, длинный нос, зеленые обычно поникшие глаза, худая и без пышных форм фи-

гура, но она была умна и, что главное, честна во всем. А это Марк ценил больше внешности, поэтому Ангелина была для него неплохим товарищем.

– Эх. Тяжело, конечно, было Людмиле, но как красиво закрутился у нее роман с Макаром! – заявила девушка, – Скажи, как ты смог так чувственно и реалистично описать их отношения? Насколько я помню, ты еще не испытывал подобных чувств. Мне кажется, такое надо пережить, чтобы описать.

– Ты права. Но я этого не проживал в реальности. Я просто представлял себя на месте Макара, а на месте Людмилы одну девушку, с которой я виделся всего пару раз, но я успел запомнить ее черты и особенности.

– А почему только пару раз? Она уехала?

– Да. Очень далеко вместе со своей семьей. Я больше ее никогда не увижу, но я представил, если бы она не уехала, и написал вот это, – заявил Марк.

– Молодец, Марк. Занимаешься хорошим интересным делом. А я раньше любила рисовать. Когда еще совсем маленькая была. Рисовала плохо, помню, вся в краске была, – Ангелина улыбнулась, – но рисовала. Я помню, как старалась показать действия и движения, но у меня плохо выходило. Вернее только я могла понять, что там нарисовано. Но родители мое дело не одобрили и решили занять меня литературой. С тех пор я люблю стихи, да и прозу люблю. Но больше всего в книгах я люблю картинки, если они бывают. А еще

я очень люблю, когда автор дает такое полное описание картины, что ты полностью погружаешься в нее.

– Да. Это безусловно очень эффектно и интересно, но я не люблю много лирических отступлений и приукрашиваний. Я стараюсь писать по сути. Чтобы больше действий было, я не художник, чтобы показывать момент, а писатель, я показываю действия, – сказал Березин.

– У каждого свое мнение о литературе. Твой стиль, быть может тоже понравится народу. Желаю тебе творческих успехов. Правда, от чистого сердца, – заявила Ангелина.

– Спасибо. Я верю в искренность твоих слов, – улыбнулся Марк.

Жизнь в семье Березиных нормализовалась. Мать Марка нашла работу в магазине тканей. Работа была несложной, (хоть и немного пыльной), но главное, что не грязной.

Марк продолжал обучение и делал успехи в литературном деле. Декан однажды пообещал отнести его рукописи в редакцию к знакомому издателю, но это не дало никаких результатов. Повесть была слишком большой, чтобы печатать ее где-нибудь в журнале. А стихи о новых взглядах на жизнь пока никого из старых издательств не интересовали.

“Когда же выйдет уже какой-нибудь новый советский журнал или хотя бы газета, где мои стихи будут только кстати, и где мои мысли смогут прочитать все?” – думал с нетерпением юноша.

Глава 7 Начало карьеры

Мечта Марка сбылась лишь в 1920 году. Он однажды увидел в газетной лавке новое издание – газета “Страна атеизма”. Юноша приобрел свежий, уже второй выпуск еженедельной газеты, и принялся читать. Он занялся этим, как пришел в институт. Его не интересовали занятия, а только газета.

Это был хоть и второй, но все же пилотный выпуск издания, поэтому там пока не было постоянных рубрик. В этом номере рассказывалось о пороках священнослужителей из рассказов простого люда.

Так, например, один житель села N заявил, что во время великого поста поп из сельской церкви не стеснялся есть мясо и птицу. В другом селе поп был жутким пьяницей и однажды случайно чуть не прибил кадиллом мальчика, попавшего ему на пути во время службы.

Далее в газете упоминалось о мудрых цитатах великих людей относительно веры. В том числе и знаменитое: “Религия – опиум для народа”.

В конце газеты было объявление: “Приглашаем авторов, принимаем заявки. Подавать по адресу ... с 9:00 до 12:00 понедельник-пятница.”

Березин понял, что это его шанс. Он посмотрел на часы и понял, что уже поздно. Он решил завтра опоздать на занятия и прийти в редакцию со своими лучшими стихами.

Родителям об этом он ничего не сказал, вернее и не соби-

рался с ними разговаривать. Он не шел к ним вечером в тот день.

В сердце теплилась надежда на начало творческой карьеры писателя. В газете, тем более такого пропагандистского формата, его мысли будут как нельзя кстати, и их смогут прочитать все без исключения. Ведь газеты – привычный для народа жанр светской прессы.

Наутро юноша собрался, взял свой кожаный планшет с рукописями, надел любимую желтую рубашку и красный галстук, любимый серый пиджак и шляпу.

Герой направился в другую сторону от университета, к редакции “Страны атеизма”.

Марк подошел к обычному трехэтажному зданию середины XIX века и с волнением постучал в дверь. На ней не было никаких обозначений редакции. Казалось, будто Березин ошибся адресом. Но через пару секунд дверь приоткрылась, и оттуда высунулся невысокий мужчина лет сорока, в очках, висящих на краю его длинного горбатого носа. Его немногочисленные волосы были приглажены по макушке. Он был гладко выбрит и выглядел солидно, но не гордо. Скорее просто прилично.

– Вы по объявлению? – спросил незнакомец.

– Да. Я бы хотел отдать вам свои стихи, – произнес с легкой запинкой герой.

– Хорошо. Проходите, – мужчина открыл дверь нараспаш-

ку и впустил юношу.

Березин попал в просторный кабинет, заполненный стеллажами с бумагами и книгами.

Посредине стоял дубовый лакированный стол и два стула. Тот, что гостевой – попроще, а другой – с подлокотниками и мягкой обивкой.

– Присаживайтесь, – пригласил гостя редактор.

Они сели за стол, и мужчина сказал:

– Ну, показывайте, что вы мне принесли.

– Вот, – герой протянул стопку стихов.

Редактор взял первый стих. Он был самым любимым, и на взгляд Марка, самым информативным. Он отражал все мнение героя о религии.

Пока мужчина читал, Березин качал ногой под столом и ждал ту секунду, когда проверявший стихи эксперт наконец вынесет свой вердикт.

– Что я вам скажу, смело. Рифма тяжелая, строчки необычные, но все понятно. Думаю, это можно напечатать в новом номере.

– Что касается строчек, – начал герой, – это моя авторская черта. Согласитесь, это будет выглядеть и звучать как-то по-новому. А насчет ясности, это главная цель моих высказываний в стихах.

– Это хорошо. А то помните, как у Пушкина: “У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...” ну бред какой-то. А у Толстого что: три листа про дорогу, три листа

про березу, – редактор рассмеялся каким-то сиплым смехом похожим на крик чайки, – время наше тянет. А в газете все должно быть четко и понятно без всякой лишней писанины.

– Значит, по рукам? – спросил герой.

– По рукам. Как вас подписать?

– Тим Ясный. Это псевдоним.

– Это хорошо, что псевдоним, как еще раз? Тим Ясный? – редактор взял авторучку и начал записывать.

– Да, – ответил парень.

– Мы вот пока решили не вешать табличку редакции. Сами понимаете, сейчас времена непростые, и лучше пока открыто не заявлять о своем мнении. Народу еще надо привикнуть к новой идеологии.

– Ясно. А я подумал, что ошибся адресом, – заявил герой.

– Нет. Просто мы пока маскируемся. Вам я советую пока не светить свое настоящее имя. Будьте скромнее.

– Простите, вы не представились. Как вас зовут? – спросил Марк.

– Виктор Корнеевич. А вас?

– Я для вас пока что Тим.

– Я оставляю у себя ваши стихи? – спросил редактор.

– Конечно. У меня дома есть вторые экземпляры.

– Пока что я приму только одно стихотворение. Вы получите за него... – Виктор Корнеевич полез в портмоне, – вот столько, – он протянул герою несколько бумажек с крупными номиналами, которые однако стоили мало в те годы.

– Спасибо. Для меня этого более чем достаточно.

– Сегодня да. А вот через месяц... сами знаете, какая инфляция, – вздохнул редактор.

– Главное, что обо мне узнают читатели. Спасибо вам, – Марк пожал руку мужчине, – мне пора на занятия.

– Вы студент?

– Да. И я уже опоздал на первое занятие, – герой посмотрел на часы.

– Прогульщик, – усмехнулся редактор, – до свидания. Приходите через пару дней. Я прочту все ваши стихи и скажу вам, что будет. Приходите в то же время, если вам удобно.

– Всего хорошего. До свидания, – сказал Березин и закрыл дверь.

Он вздохнул с облегчением и радостью, но учеба заставила его вернуться к реальности и бежать скорее, хотя на первую пару он все равно уже не собирался. Не хотелось ему встречаться глазами с профессором и объясняться, почему опоздал. Обычно он так не делал. Но этот день был особенным. Можно сказать, ключевым в жизни Тима Ясного.

Глава 8 Главный агитатор

И в самом деле тот день стал для Марка, как для автора, ключевым. Через два дня герой вновь пришел в редакцию и узнал о том, что она берет все стихи по цене ...цать рублей за строчку. Марк попросил, чтобы деньги ему дали не все сразу, а по актуальной цене за каждое опубликованное стихотворение. Это было сделано, чтобы избежать обесценива-

ния общей суммы денег, потратить которую сразу юноша не собирался, а также, чтобы лишний раз можно было зайти в редакцию и в случае чего на месте разобраться с возможной проблемой.

Получив свой первый гонорар за стихотворение, парень решил, что его нужно потратить на что-то знаковое. Не придумав, что можно купить себе, Березин решил сделать подарок родителям. Он купил коробку хороших конфет и приехал к ним в гости на трамвае. Этот вид транспорта герой почему-то очень любил. Неверное за его тихую езду по сравнению с поездом, и плавную по сравнению с каретой.

Родители были удивлены тем, что их сын получил одобрение в редакции. Мать была рада за Марка, а вот отец равнодушно и как будто бы недовольно заявил:

– Не думал, что именно твои революционерские стихи станут твоим хлебом. Я надеялся на повесть или хотя бы твои рассказы. Они хороши. Я не спорю. Но это...

– А что это? Раз нужны эти стихи, значит я буду писать их. Мне надо получить некоторую известность. А потом и до больших объемов дойдет, – сказал сын.

– Хоть бы порадовался за сына, – упрекнула Льва Анатольевича Людмила.

– Да что радоваться? Я хочу, чтобы Марк стал настоящим писателем, а не газетным маракой!

– Так он и станет. Просто нельзя начинать карьеру так сразу. Великие авторы тоже начинали с журналов и газет, – за-

ступилась за Марка мать.

– Ох, – отец взялся за голову и отвернулся, – делай, что хочешь, только живи за свой счет. Иначе мы перестанем давать тебе деньги на еду и прочее.

– Подождите полгода. Там все настроится, и я перестану зависеть от вас, – заявил сын.

– Брат вон твой, Боря, стал сам получать нехилые деньги. Тетю твою даже содержит. Она теперь работает только для души.

– Обычно старшего в пример берут, – заметил Березин.

– И что? У нас семья не такая, как все. Ты у нас не такой, как мы, – сказал Лев Анатольевич.

Людмила положила свою ладонь ему на руку, призывая прекратить унижение сына.

– Хочешь сказать, что я не удался? – поднял голос Марк.

– Нет. Не совсем, то есть чем-то удался. Я одного не могу понять: мы тебя воспитывали так же, как и Борю, только вы получились совсем разными.

– А почему бы и нет? – задал риторический вопрос Марк, и в комнате воцарилась тишина.

– И не поспоришь, – с усмешкой произнес отец.

Разговоры с отцом никогда не радовали героя. Он вечно оказывался виноватым в чем-то. Поэтому к родителям он заглядывал теперь все чаще лишь из соображений вежливости.

Вскоре вышла новая газета с произведением Тима Ясно-

го. Как Марк ни старался быть сдержаннее, но все равно купил этот номер и показал всем, кто хоть раз читал его стихи. Максим похвалил друга за успехи и пожелал хорошей творческой карьеры. Ангелина, увидев знакомое ей с рукописей стихотворение на печатном листе газеты, застыла от удивления и даже обняла Марка. Она радовалась за него, как за родного брата.

Березин понимал, что может быть он где-то в глубине сердца нравится девушке, но его вполне устраивала дружба с ней. Он понимал, что связывать себя с кем-то сердечными чувствами – это значит лишать свободы себя и любимого человека. А друзья ничем друг другу не обязаны и могут расстаться гораздо легче, чем влюбленные.

Многие не верили в то, что отношения между Марком и Ангелиной – просто дружба. Но она была не такой уж и крепкой. Все равно для юного писателя важнее был Максим, с которым он делился самыми сокровенными переживаниями. Он знал почти все о Марке. Только, пожалуй, о Ларисе он не знал. Эту темную историю Березин тщательно скрывал ото всех.

Как и всякому писателю, а особенно поэту, Марку вдруг ни с того, ни с сего могла прийти в голову рифма или идея. Он тут же искал клочок бумаги и царапал карандашом свои мысли. Одно стихотворение было написано у него прямо по дороге в университет.

Стихи стали для Тима Ясного главной литературой формой самовыражения. Парень стал регулярно пополнять свою коллекцию рукописей хотя бы одной мыслью в неделю.

Герой ходил в редакцию каждый вторник, чтобы получить свой гонорар и узнать, все ли в порядке.

Виктор Корнеевич как-то заявил:

– Газета начинает набирать популярность в народе. Последний выпуск разошелся всего за день. Мы увеличиваем тираж. В Союзпечати довольны нашей работой. Поэтому вам назначается премия, – редактор вытащил из кошелька еще несколько банкнот поверх стандартной суммы.

Это уже были хорошие деньги. На них Марк мог жить целых два, а то и три дня.

– Поступают хорошие отзывы от народа, – продолжал Виктор Корнеевич, – некоторые даже спрашивают: что за новый автор такой – Тим Ясный? Если наши продажи вырастут еще раза в три, то ваш гонорар будет составлять мою зарплату за неделю.

– Спасибо. Я рад, что мои мысли наконец оказались полезны.

– Да, именно, что полезны. Пока что вы – единственный поэт и вообще автор в нашей газете со своим независимым мнением. Если вам нужна работа, то вы можете также пойти в нашу редакцию журналистом.

– Спасибо. Не откажусь. Как только я закончу обучение, то есть этим летом, я обязательно приду к вам. Я как раз

учусь на филологическом факультете. Думаю, это подходит для такой работы?

– Да. Но главное – умение строить фразы и грамотно выражать свою мысль, – заявил Виктор Корнеевич, поправив очки, – кстати, Тим, нет ли у вас эдакого пропагандистского рассказа об атеизме?

– Нет. Пока что. А вообще идея была. Только я не уверен, что такой формат вам подойдет. В газете ведь нужны маленькие произведения.

– Мы хотим начать выпуск ежемесячного журнала, где будут в том числе, большие истории, интервью и может быть, ваши рассказы. Вы главное, пишете. А мы придумаем, что с этим сделать.

– Хорошо. Обязательно. А насчет журналистики, это мне подходит. Может быть мне заняться именно вашим новым ежемесячником?

– Можно. Только я не самый главный в нашей редакции. Я всего лишь принимаю материалы “от народа”. К директору обращайтесь в кабинет на третьем этаже.

– Это здание все ваше? – удивился Марк.

– Да. Теперь все. И как вы можете заметить, мы повесили табличку. Пока никто в окна камни не кидал, – усмехнулся редактор.

– Ну еще не поздно, – пошутил герой.

Марк закончил обучение и пошел в редакцию нового жур-

нала “Жизнь без бога”. Он составлял тексты и продолжал писать стихи. Также у него появился рассказ, который показывал священнослужителей с самой темной стороны. Он был сатирическим, из-за чего оказался понятен и интересен многим. Журнал приобрел тот же успех, что и газета. Березин радовался больше всего тому, что народ наконец понял, что пора меняться, и стал охотно читать атеистическую литературу.

Марк получал уже полноценную зарплату и стал независимым от родителей. Тот факт, что сын стал журналистом в “безбожной и невежественной” прессе, совсем огорчил отца. Он заявил, что не намерен позорить фамилию таким потомком. Но с Марком сделать было ничего нельзя. Он стал полностью независимым, и давить на него было невозможно. К крайним мерам Лев Анатольевич прибегать пока не стал. Все его попытки отговорить сына от его занятия ни к чему не приводили. В ответ он говорил очень понятную и правильную фразу: “Тогда найди мне другую хорошую работу, раз эта тебя не устраивает.”

Поэтому дело не двигалось с мертвой точки. А парень все продолжал набирать популярность среди неверующих или теряющих веру читателей.

Глава 9 Неформальное знакомство

Пожалуй, второй значимой датой в юности героя стал жаркий июльский день 1921 года.

День начинался обыденно: Марк позавтракал, собрался и

поехал на работу на любимом трамвае. Почему-то в тот день в нем была особенная толкотня. Березин стоял в толпе пассажиров и смотрел в окно, за которым слепящее солнце беспощадно жарило москвичей. Марк был без костюма, он ограничился лишь рубашкой и светлыми брюками.

Герой увидел в толпе пассажиров рыжеволосую девушку, ее лица не было видно, но одного только вида ее огненно-медных волос было достаточно для того, чтобы от нее невозможно было отвести взгляд. Вскоре она затерялась за спинами других людей, а парню вдруг вспомнилась одна героиня его рассказа.

Вообще, Марк достаточно думал о женщинах и все время гадал, как он встретит свою возлюбленную. Переносил свои мечты и фантазии на бумагу, писатель придумывал различные ситуации, но чаще всего его герои встречались где-то на улице, чаще случайно. Парень помогал девушке, а она скорее в знак благодарности соглашалась на свидание где-нибудь в кафе.

Тем утром мысли героя были в основном о брате. Парень думал, неужели Боря чем-то решительно лучше него? Во всяком случае его отец думал именно так.

Наконец основная масса народа вышла на остановке, и в трамвае освободилось несколько мест. Марк устал стоять, и присел на одно из двух сидений, положив свой планшет на другое. Он заметил, что рыжеволосая незнакомка стоит и ищет глазами место. Она была высокой, стройной, если не

сказать худой, ее длинные, ниже плеч, волосы частично закрывали ее лицо, поэтому ни цвета глаз, ни других черт лица, кроме длинного острого носа герой не разглядел. На ней было темное легкое платье с цветами. На ногах были старые черные туфельки.

– Можно к вам сесть? – спросила незнакомка вялым и уставшим голосом у Марка.

Он поспешно убрал планшет с сиденья и сказал:

– Да, да, конечно.

Девушка села рядом с Березиным. От нее пахло дешевыми духами и потом. Незнакомка запрокинула голову и тяжело вздохнула.

– Вам плохо? – спросил юноша.

– Да. Какой ужас! Еще утро, а уже так жарко! Я сейчас упаду в обморок, – голос незнакомки был совсем слабым.

– Не упадете, я вас держу, – Марк положил свою большую руку на ее нежное плечо, – вы можете прилечь мне на колени.

– Спасибо, – девушка легла на колени парня, а он взял ее руку и начал давить на точку между большим и указательным пальцем.

Надо заметить, пальцы у нее были исколоты и в мозолях.

– Больно, – сказала незнакомка.

– Так и надо. Это улучшает движение крови. Потерпите, – произнес заботливо герой.

Он был взволнован. Он никогда не держал на коленях девушек, тем более таких красивых.

Он смог разглядеть, что у незнакомки было узкое лицо, тонкие бледные губы, ее чуть приоткрытые глаза были цвета холодной морской воды – пронзительные и какие-то ранимые. На лице были еле заметные веснушки, которые, на взгляд Марка, придавали ей ребячества и милоты.

– Мне уже лучше, спасибо, – девушка медленно поднялась на свое сиденье и открыла глаза пошире, чтобы разглядеть человека, который ей помог.

– Посидите пока. Вам лучше не вставать. Вы далеко едете? – спросил Березин.

– Далеко. Мне еще нескоро выходить. А вам?

– И мне, – соврал герой, чего делать не любил. Но ему хотелось помочь девушке.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Марк. А вас?

– А меня Александра, – голос героини становился громче и четче.

Он был у нее, так скажем, не как у дамы. Она говорила низковато для девушки, тем более манера речи у нее была какой-то если не грубой, то смелой. Без стеснения и лишних эмоций.

– Прекрасное имя. Очень подходит вам.

– Ой, да ладно, – улыбнулась как-то нагло девушка, – это вы так говорите, не потому, что вам не имя нравится, а я.

– Нет. Не только. Мне нравятся имена на букву “А”.

– А кем вы работаете? Спросила героиня.

– Редактором журнала. Еще я пишу стихи и рассказы. Имя Тим Ясный вам о чем-то говорит? – парень произнес это тихо на ухо, чтобы никто не услышал и не рассекретил его.

– Тим? Это не автор стихов в рубрике газеты “Страна атеизма”? – спросила Александра также тихо.

– Да. Это я, – гордо произнес герой.

– А вы не врете? – с недоверием посмотрела на Марка девушка.

– Нет. Вот, взгляните, – парень открыл планшет и достал оттуда новый стих.

– Ого! – Александра увидела знакомый из газет стиль стихосложения и обомлела, – это вы? Мне знаете, всегда было интересно пообщаться с автором этих стихов. Мне они очень нравятся. Я люблю эту газету, потому что не люблю религию.

– Это похвально. Знаете, с каждым вашим словом вы начинаете нравиться мне еще больше, – заявил юноша.

– Правда? – с глупой улыбкой спросила героиня.

– Правда. А куда вы едете? На работу?

– Да. Я работаю на швейной фабрике.

– Я заметил это по вашим рукам.

– Ага. Есть такое, – девушка посмотрела на свои исколотые пальцы.

– А я ехал в редакцию. Но позвольте, я провожу вас до фабрики. Я боюсь, что вы можете опять упасть.

– Спасибо. Если только вы не спешите. У меня это, знаете, бывает от сильной жары. Я прямо плавлюсь. Сегодня как раз

так.

– Бывает. Вам бы головной убор хотя бы, – Марк понял, что его слова звучали как указание на недостаток, но решил, что девушка не сочтет это за дерзость.

– Да денег нет. Я и так работаю с утра до ночи, а все уходит на проживание. Мы с мамой платим за квартирку на окраине. А мой четырнадцатилетний брат ходит в школу. Его, как вы понимаете, тоже содержать надо.

– Ясно. Не повезло вам, – вздохнул герой.

– Да нам-то с мамой еще повезло, а вот наших знакомых – зажиточных купцов Гришиных всех расстреляли. А мы – из небогатых были. Имущество отобрали, отца послали на войну с белыми, а мы вот, выживаем.

– Сочувствую. А мы из дворян. У нас тоже все отобрали. Но что поделаешь, изменения всегда стоят удобств. Но поймите, это необходимо. Нам пора меняться.

– Да. Понимаю. Что ж, переживем и это. А вот кстати, моя остановка скоро, – сказала Александра.

– Можно пригласить вас сегодня вечером в кафе? – спросил вдруг Марк.

– У меня нет денег. Я же говорила, – сказала героиня, – а, вы меня приглашаете?

– Да. Я оплачу счет. Вы согласны?

– Конечно. Я освобожусь в восемь. Давайте в восемь тридцать. А где?

– На улице Н... Кафе, не знаю. Давайте встретимся на

остановке трамвая перед храмом. А там решим.

– А вы мне понравились. В вас есть что-то аристократическое, – заметила девушка и с каким-то намеком прищурила один глаз, – я всегда думала, что Тим Ясный – представитель высшего общества. Уж очень у него богатый словарный запас и умные фразы.

– Спасибо. А вот, кажется, и ваша остановка.

Александра вышла из трамвая, и Марк следом за ней. Он держал ее под руку, боясь, что она

– Спасибо, отпустите меня. Мне уже нормально. Дальше я сама. До встречи.

– До встречи. Буду ждать вас с трепетом, – помахал рукой Березин, и девушка пошла вперед по направлению к огромному, казавшемуся бесконечным, зданию швейной фабрики, и Марк думал: “Неужели так бывает, что девушка сама падает тебе на колени?”

Глава 10 Официальное свидание

Марк поехал обратно на трамвае, и все его мысли были только о ней. Об Александре. Она была совсем не такой, каких до этого видел герой. Она была невероятно простой и прямой. Она не стеснялась слов и говорила точно то, что думала. Это именно то качество, которого не было ни у одной девушки из высшего света. Рыжеволосая ткачиха была из так называемого среднего класса. Она была явно образованной, но почему-то несколько грубоватой или, как сказали бы родители, распушенной. Может быть это от сурового окруже-

ния и сложившихся обстоятельств? Как говорится: “С кем поведешься, от того и наберешься”.

Пока Александра была для Марка загадкой, которую еще предстояло разгадать. Если бы герой был верующим, он наверняка бы поблагодарил всевышнего за такой подарок и молил бы от том, чтобы он не испортил первого впечатления.

Тут же, прямо по дороге юноше пришла в голову рифма, и он записал ее на чистый листок. Вот, что у него вышло по прибытии в редакцию:

*“Я сел в трамвай,
Все думая о брате,
И вдруг, история какая,
Нате!
Присела девушка
Простецкой моды,
Мы начали с ней разговор
С погоды:
“Какая жуть
Уже с утра
Стоит в Москве
Невероятная жара!
Мне плохо,
Я сознание теряю”, -
Она сказала,
Я ей помогаю.
Как полегчало,*

*То меня благодарит.
У ней уставший,
Нездоровый вид.
Она проста, худа,
Рыжеволоса,
Потерты руки,
Цвет белесый,
Глаза как море,
Губ как нет,
У ней почти что
Плоский силуэт,
Но в целом все ж
Приятная натура,
Хоть без помады
И без маникюра.
Открыто выставляет
Красоту свою,
За что такой типаж
Я девушек люблю...”*

Марк не смог одолеть мысли об Александре, и так и проходил весь день с ними. Работа не шла, однако ее было, во-первых, немного, во-вторых, проверка написанного вчера – не самая трудная работа. Она требует внимательности, но не творческого подхода, которого тогда у парня не было. Творческий подход он истратил на стих про незнакомку в трам-

вае. Он писал и дальше, рассказывая непонятно кому свою историю знакомства с девушкой с рыжими волосами.

Наконец настал вечер. Березин заехал домой за деньгами, ведь утром он не рассчитывал на то, что пойдет в кафе. После этого он пошел пешком до улицы Н, благо от нее до дома было недалеко. По дороге он купил букет малиновых роз.

Герой посматривал на свои карманные посеребренные часы и боялся опоздать. Но времени было с запасом.

Марк встал возле храма, рядом с которым была остановка трамвая. Он ждал, когда же наконец приедет тот самый вагончик, в котором сидит рыжеволосая Александра.

Герой уже присмотрел кафе, в котором он когда-то был вместе с родителями. Теперь там ниже цены, ибо все они теперь были уравнены по госстандартам.

Юноша посмотрел на часы еще раз: восемь тридцать одна. “Почему ее нет? Неужели задержали на работе?” – боялся Марк.

Наконец, в восемь часов и тридцать семь минут, подъехал трамвай, и из него вышла уставшая, но улыбающаяся девушка.

– Это вам, – сказал Березин и вручил букет Александре.

– Спасибо. Вы меня смущаете, – сказала ткачиха, наклонив голову, чтобы понюхать розы, при этом не отводя взгляда от парня.

– Я нашел одно замечательное место, пойдете, – заявил Марк и неспеша пошел в сторону кафе.

Александра шла быстро. Видимо, она привыкла спешить, и теперь посматривала на шаг юноши, стараясь замедлиться.

– Признаться честно, вы вдохновили меня на написание стихотворения, а может, это даже перельется и в поэму, – сказал герой.

– Это будет звучать заезжено, но мне никто такого никогда не говорил.

– Я заметил, что вы употребляете много просторечных слов. Если не секрет, откуда у вас такой словарный запас? – Марк снова чувствовал, что ходит по грани приличия.

– Это жизнь меня научила. Вернее, я сама научилась. Когда мне стало лет девять, я решила, что я уже большая, и стала играть с уличными девчонками, а иногда и с мальчишками. Мне было весело, а родители к этому относились как будто равнодушно. Отец был весь в работе, а мать меня может просто жалела. А сейчас я ничем не отличаюсь от простой прачки или ткачихи. Так что вот такая у меня история.

– А я жил, так сказать, в “стерильных условиях”. С дворовыми мальчишками мне играть не разрешали, по-настоящему познакомился со сверстниками я только в лицее, – сказал юноша.

– Ясно. Не повезло вам. А вот это, я так понимаю, наше место? – Александра показала на вывеску кафе.

– Да. Пройдемте.

Герои прошли в помещение и заняли очередь у прилавка с готовой едой.

– Чего бы вы хотели? – спросил парень.

– Да можно вон тот пирог. Он с чем? – показала пальцем девушка.

– С мясом, – сказал скучным голосом человек из очереди перед героями.

– Вот его. И чаю. Или лучше какао. А это что? – у Александры разбежались глаза, – и вот этот, с клубникой.

Видно было, что она давно не позволяла себе подобных изысков. Хотя изысками это могла считать лишь она. Для Березина это была скорее забегаловка.

После того, как Марк оплатил еду, герои сели за столик в углу у стены и начали беседу.

Девушка, которую все меньше хотелось называть Александрой, и все больше Сашей, ела быстро, и при этом иногда что-то говорила.

Марк посмеивался и улыбался ей. Ему на момент показалось, что он привел сюда не девушку на свидание, а младшую сестру или даже дочь. Она вела себя по-детски невежливо. Ведь только ребячеством герой мог простить ей такие манеры.

– И все же я не понимаю, почему я вам понравилась? – спросила Саша, прожевав, – ну ладно, если бы я была такой красивой, что прям слов нет. Но это же не так.

– Вы не понимаете, красота – это нечто большее, чем аккуратные черты лица, пышные формы и тонкая талия. Это еще и состояние души, образ мышления, – заявил вдохнов-

ленно Марк.

– И все же? Что вам так во мне понравилось? Я для вас просто невежа. Я это замечаю. Я не похожа на дворянку, к которым вы привыкли.

– И которые мне надоели до самого не могу. В вас нет фальши и роскоши. Это мне как раз и нравится.

– А, ясно. То есть вам нравятся скромные.

– Как раз не скромные. Только в плане заработка. А так, я ценю открытость, смелость мысли, как у вас. Я понимаю, что наши устои губят женские натуры. Им не дают раскрыться в самой глубине наши христианские правила: нельзя так, нельзя этак. Пора меняться. И вы к этому готовы.

– А вы готовы? – спросила девушка.

– Готов. Вы же знаете, я несу народу мысли о переменах.

Вы помните, может, мое стихотворение:

“Женщина больше
Не раб, не кухарка,
А полноценный
Работник труда,
Человек со свободой,
Боец, пролетарка.
Все это станет
Возможным, о, да!
Ленина славьте,
Гражданки Союза,
Вам он дарует

Свободу навек.

Не будет в стране

Ни рабов, ни обузы

Будет счастливым

Любой человек!”

– Помню. Хорошо сказано, только это все должно быть не только на словах, но и на деле. Пока это идет очень медленно, – заявила девушка.

– Вы же понимаете, что обществу нужно время, чтобы меняться. И моя задача его подгонять, – сказал юноша.

– Надеюсь, я вдохновлю вас на что-то хорошее. И все же, мне кажется подозрительным, что вы проявляете такой интерес ко мне.

– Ваши подозрения оправданы. Мне нравится ваша недоверчивость. И все же, вы можете расслабиться. Я не собираюсь причинять вам неудобства и уж тем более вред.

– Это хорошо. Спасибо, что угостили меня. Когда бы я еще побывала в кафе, – Саша положила руку на манжету рубашки Марка, и он от неожиданности вздрогнул.

– У вас очень нежная рука, – заявил герой.

В ответ девушка рассмеялась.

– Давайте мы встретимся с вами завтра вечером, и место назначу я, – предложила она, при этом схватив рукав героя еще крепче.

– Я согласен. Где и во сколько?

– В то же время на ...ском переулке напротив бакалеи. Ря-

дом есть одно местечко, где я иногда бываю со своими знакомыми.

– С удовольствием посмотрю на ваше любимое место.

– Мое любимое место – двор, где я выросла. А это просто хорошее заведение, – с полутонном смеха произнесла Саша.

– Тогда до встречи. Буду ждать вас.

– Только я вас умоляю, без букетов и официального стиля.

Там нужно соответствовать обстановке.

– До свидания, Александра.

– Да что там, просто Саша. До свидания, Марк! – девушка помахала рукой герою и направилась к остановке трамвая. Ей еще нужно было доехать до дома.

Марк видел, что она посматривала на него, интересуясь, куда он идет. А он оборачивался, чтобы еще раз взглянуть на ее простую, нет, совсем не простую, но очень приятную внешность.

Глава 11 Путь к сердцу

Весь оставшийся вечер юноша вспоминал встречу с Сашей, как бы смакуя приятными моментами. Он гадал, куда же она его пригласила. Он не бывал в том и не знал, какие там заведения, но ему почему-то настойчиво казалось, что это непременно будет какой-нибудь пивной или винно-водочный ларек. Хотя девушка совсем не была похожа на человека, который употребляет алкоголь. Она была чиста почти во всем, ну может быть кроме речи, но что главное, не побуждений. С честностью у нее было все в порядке. Ее прон-

зительные глаза уверенного в себе человека не давали ни тени сомнения в ее словах.

Марк долго не мог уснуть. Он предвкушал новую встречу с Сашей, причем она должна была состояться по неизвестным ему правилам, что еще больше разжигало интерес героя.

Но наконец он погрузился в сон. Ему снилось, будто он стоит в храме в красивом костюме, а рядом с ним стоит в белом платье и фате невеста – Лариса. Марк смотрит на нее и радуется. Но вдруг из неоткуда возникает Саша с кинжалом и пронзает сердце Ларисы. Березин пытается остановить девушку, но она достает пистолет и убивает батюшку. Саша хватает Марка за руку, и они бегут из храма.

– Не будь как они, беги от прошлого! – говорит девушка герою.

Марк проснулся и с облегчением вздохнул. Он понял, что это всего лишь сон, но впечатление о Саше было несколько подпорчено.

“А вдруг она заодно с какими-нибудь бандитами? И они меня в подворотне разденут до нитки? Нет, этого не может быть! – убеждал сам себя герой, – я ведь сам нашел ее, а не она меня. Если бы наоборот, то это бы действительно выглядело подозрительно”.

В конце концов Березин успокоился и уснул снова. На этот раз до утра.

Утро следующего дня было самым обыкновенным: зав-

трак, сборы на работу, трамвай, редакция.

Весь день юноша вспоминал о том, что вечером его ждет сюрприз от Саши, а главное – встреча с ней. Она действительно необъяснимым образом понравилась Марку, и он даже самому себе не мог объяснить, почему именно она.

Помимо атеистических взглядов на мироздание, смелости в словах и действиях, в ней было что-то еще. Что-то такое, до чего пытливый ум героя пока не добрался. Не красота, хотя она, вопреки словам самой Саши, в ней была, быть может просто множество неизвестных человеку из высшего света тонкостей характера простушки?

Наконец рабочий день подошел к концу, и парень отправился из редакции на трамвай, на котором он должен был добраться до конечной станции, а после продолжить путь пешком.

В тот день герой по наставлению Саши не стал одеваться вычурно. На нем была самая неприметная цветастая рубашка, те же обычные брюки и шляпа.

Юноша посмотрел на часы: восемь двадцать.

Еще десять минут, а идти, наверное, пять.

Герой прибыл на место назначения: это был обычный тихий квартал на окраине города. Кое-где встречались деревянные двухэтажные дома, а основная масса была застроена типичными для города небольшими каменными строениями с худо-бедно, но украшенными фасадами.

Магазин “Бакалея” ничем не отличался от прочих магазинов города. Это место было просто выбрано как ориентир для встречи.

Наконец в назначенное время с опозданием на минуту появилась Саша.

Она была в том же платье и так же улыбалась, и Марку показалось, что встреча произошла через пять минут после расставания.

– Здравствуйте, Александра! – сказал юноша, подойдя к девушке.

Он нежно взял ее руку, чтобы поцеловать, но Саша перехватила его ладонь и пожала ее.

– Приветствую, Марк, – улыбнувшись, произнесла девушка, – я же просила, называйте меня Сашей.

– Простите, Саша. Как ваши дела?

– Не, ну это совсем не годится. Давай уже на ты, Марк.

– А если бы у моего имени была уменьшительная форма, ты бы меня как называла?

– Уменьшительным. Но Марк есть Марк. Как еще? Никак, – заявила девушка, – Марик? Марчик? Морковка?

При этих словах по телу героя побежали мурашки. Его никогда не называли уменьшительно-ласкательным именем. Он с малолетства был Марк. Марк и все. Полное имя. Ему это иногда нравилось, что он такой маленький, а уже Марк, а не Сереженька или Лешенька. Этакий графеньш Маркус фон Берес.

– Ты не против, если я буду называть тебя скажем, Марсик или Маркуся? А может Морковка? – спросила героиня.

– Ну что за Марсик? Маленький Марс? Божочек войны? – Марк сам засмеялся от своих самоироничных слов, и посмешил девушку.

– А Маркуся? Или похоже на Марусю?

– Да. Не надо. А Морковка – это вообще овощ.

– Ну хорошо. А если тебя спросят: “Как вас зовут?” А ты скажешь: “Марк”. А они спросят: “А полное имя?” а ты скажешь: “Морковка”, – засмеялась Саша.

– И все, психушка ждет меня, – с юмором произнес Марк.

– Так все-таки. Не могу я называть тебя Марком. Тебе надо придумать уменьшительное имя.

– А то я слишком высокий, и меня надо уменьшать? – продолжал шутки юноша.

– Ага. Прости, конечно, но на Марка ты не тянешь. А тем более в беседе со мной ты точно Марчик. Нет. Марток. О, точно. Ты будешь Марток.

– А ты тогда будешь Алекс. А еще лучше Алексей. Леша.

– А что сразу парень? Только потому, что имя у меня как мужское, как и женское? А почему Леша? А, Алекс, Алексей и Александр... а.

– Нет. Все-таки Саша лучше. Алекс звучит на иностранный манер.

– А Марток очень по-русски! – усмехнулась девушка, – ладно, пойдем уже.

Герои пошли по улице, при этом Саша взяла, парня за руку. Ему было очень приятно, но казалось, что до этого еще рано.

Наконец парочка пришла к ларьку, где было написано: “Соки, воды, квас”.

– Здесь продают самый вкусный яблочный сок, – заявила девушка.

– А что еще здесь есть интересного? – спросил герой.

– Ты хотел сказать, съестного?

– Ну да. Чем ты меня собралась угощать?

– Хлебом. Прости, я не нищенка, просто хочу показать тебе, что счастье есть и в простоте.

– Хлебом? И это будет весь наш ужин?

– Иногда это был весь мой ужин. Но обычно я приходила вечером после ужина из дома, брала кусочек хлеба и стакан сока. Потом я шла во двор и сидела там, наслаждаясь погодой. Я уже давно так не делала. Все некогда. Дела, дела. А про настоящее наслаждение я и забываю.

– Как романтично. Но я предлагаю не отступать от традиции и поужинать как следует, а потом уже есть хлеб с соком во дворе, – сказал Березин.

– Ладно. Сегодня угощаю я. Мне дали аванс. Пойдем в ларек на соседнюю улицу. Там были замечательные беляши.

– Пойдем. С тобой хоть на край света, – романтично, но клишировано заявил Марк.

– О-о. Все. Маркуся влюбился, – как-то по-детски под-

дразнила Саша.

– А ты, Алекс? – спросил в отместку герой.

– А я просто рада, что встретила интересного собеседника. Только знай, меня такими простыми фразочками не удивишь. Я их знаю, они ничего не значат. А все твои якобы чувства с первого взгляда – это ни что иное, как естественное биологическое влечение к противоположному полу.

– И в кого ж ты такая умная?

– В себя. Жизнь и не такому научит, – заявила девушка, потом через пару секунд добавила, – да ладно, я пошутила. Такого опыта у меня нет. Я ни с кем не встречалась. До любовной философии мне еще далеко.

– Так же, как и мне, – сказал Марк.

– Значит, нам в один класс, Марток. Пойдем, одноклассник.

Глава 12 Два дурака на одной дороге

Герои отправились по тихой улице к месту, где продают беляши. Это был ларек, ничем не отличавшийся от других. Из него шел запах выпечки и мяса, и от этого у Марка потекли слюни. Он как-то раз ел подобную еду, было это, когда он спешил по работе и не успевал поесть в нормальном месте. Уличная еда, особенно, когда ешь ее руками, оказывается зачастую вкуснее, чем домашняя или ресторанныя. Наверное, потому что Березину уже наскучили привычные ему заведения.

Добрая толстая тетя из ларька протянула Саше два свер-

ка бумаги, в которых лежало по два беляша.

– Держи. Угощаю, – девушка протянула Марку еду.

– Спасибо. А где будем есть? – спросил герой.

– Пойдем присядем на лавочку возле какого-нибудь дома.

А, нет. Лучше мы купим сразу сок и пойдем в мой двор.

– Давай.

Романтики-реалисты вернулись к киоску с напитками, где девушка купила бутылочку яблочного сока. Она отпила чуть-чуть и сказала:

– Вкус все тот же. Прелесть.

Герои пошли ко двору, где выросла девушка. Это был хороший старый дом. Когда-то семье Ермиловых, то есть семье Саши, принадлежал целый этаж, но потом случилась революция, и имущество отобрали.

Внутренний двор между домами был на удивление опрятным. Там росли сливы и одна вишня. Рядом с домами стояли лавочки, на одной из них сидела пенсионерка с газетой.

– Пойдем вон туда сядем, – показала Саша.

– Саша, ты? – подняла голову пенсионерка.

– Я, – улыбнулась девушка, – Клавдия Петровна, как мы давно не виделись!

– Какая большая стала, а кто это с тобой?

– Это Марк. Мой новый друг, – неуверенно заявила Ермилова.

– Красавец какой. Умный, наверное, ну ладно, не буду вас отвлекать.

– Я обязательно приду еще. Это я Марку свой родной двор показываю, – объяснила девушка.

– Саша, – негромко позвал Березин.

– Да, иду, – девушка пошла вслед за героем в дальний угол двора.

– Здесь приятно, – заявил Марк, – а кто это такая?

– Это соседка по дому Клавдия Петровна. Она знает меня с малолетства.

– Ясно. Ну, приступим к наслаждению простотой.

Герои сели на лавочку и стали есть беляши, которые за время прогулки уже успели остыть, и запивать их соком. Признаться честно, Марк никогда не пил из горла, а уж тем более не один. Но на гигиене он помешан не был, а был помешан на Саше, поэтому разрешал ей все.

– Я любила сидеть здесь вечерами и просто смотреть на небо, на траву, на деревья. Иногда я смотрела под ноги и видела крошечных жучков. Мне всегда было интересно, куда они идут, ждет ли их кто-нибудь дома...

– Есть ли у них семья, – продолжил юноша, – я тоже любил наблюдать за ними. Я даже писал первые рассказы про насекомых.

– Мы так похожи. Знаешь, мне как-то неловко. Мне кажется, как будто нас кто-то или что-то пытается свести вместе.

– Судьба, быть может. А может быть тебе кажется. Мы знакомы всего два дня. Любые чувства сейчас всего лишь

первые впечатления. Я думаю, мы должны прожить еще не один месяц, чтобы понять, кто мы друг для друга, – заявил парень.

– Ты прав.

Герои доели молча, и только когда бутылка сока опустела, Саша сказала:

– Здесь я играла с девчонками, а иногда и с мальчишками. Хочешь в “орлянку”?

– А как в нее играть? – спросил Марк.

Девушка достала из кармана старый медный пятак еще царской чеканки. Он был затертый от долгого использования, а на стороне орла были сделаны аккуратные насечки по краю.

– Что это? Царский пятак? – удивился герой, – откуда он у тебя?

– Это мой любимый игровой пятак. Я с ним не расстаюсь. Я играла им много лет и часто подбрасываю его, если не могу принять решение.

– Здорово. И что же надо делать? Подбрасывать его?

– Да. Я подбрасываю, и мы угадываем, какой стороной он выпал. Если проиграл, то тебе щелбан.

– Ну давай. По-моему, это легко.

Саша подбросила пятак и поймала, зажав между ладонями.

– Ну? – спросила она, – я говорю, что решка.

– Значит, мне орел.

Девушка подняла вторую ладонь, и юноша увидел, что выпала решка.

– Как ты угадала? – удивился герой.

– Все просто. На орле насечки. Когда я держу монету в руках, я чувствую, какой стороной она лежит. На дурачков рассчитано, конечно. Но забавно видеть, как новички удивляются.

– Так я новичок или дурачок? – не понял Марк.

– Ты Марток, – сказала Саша и щелкнула ему пальцем по лбу.

– Ай. Ты чего? Или это правила такие? – удивился Березин.

– Это игра такая. Теперь ты бери. Только называем до того, как подбрасываем.

– Орел, – сказал герой.

– Решка, – сказала Саша.

Марк подбросил увесистый пятак и поймал. Он открыл ладони и увидел, что выпал орел.

– Теперь ты бьешь, – заявила девушка и подставила лоб для щелбана.

– Нет. Я не буду тебя бить, – отказался парень, – я буду щекотать, – он схватил Сашу под мышками и начал щекотать. Она засмеялась и завизжала, как девочка.

– Мы с тобой два дурачка, – заявила Ермилова.

– И что? Главное, что два счастливых дурачка, – сказал Марк.

После игр герои посидели еще немного, а потом пришла пора расставаться. Парень задал последний вопрос, который, однако, можно было обсуждать долго:

– А почему ты не веришь в бога, Саша?

– Не верю и все. Его нет. Я это знаю. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что сейчас много людей, которые говорят, что они атеисты только потому, что не хотят быть сосланными или расстрелянными. Я хочу понять, как и почему ты поняла, что вера – пустое и ненужное занятие?

– Мои родители верили в бога, и я раньше боялась, что злой старец с небес накажет меня за пакости и непослушание. Но потом, когда я стала практически жить во дворе и делать все, что мне вздумается, я разубедилась в том, что какая-то высшая сила может контролировать меня и все человечество. Я смотрела в небо, иногда подолгу, но никогда не видела там ничего, кроме облаков и звезд. Иногда я видела, как пролетали самолеты. Но бога там не было. А еще была ситуация, когда нашей семье стало тяжело, и мать стала молиться каждый день, чтобы наша жизнь наладилась, я не участвовала в этом. Поначалу я, бывало, долго о чем-то просила Господа, но этого не происходило. Я считаю, что мы сами вольны решать свою судьбу. Вот ты же мог и уехать за границу или в другой город, мог не помочь мне в трамвае, и тогда все бы было по-другому.

– Правильно думаешь. Мы не куклы в руках высших сил. Мы, может быть, в руках правительства, но это ведь люди. Они такие же, как мы, – сказал Марк.

– Да что говорить. Я полностью согласна с твоими стихами и рассказами. Только одно меня не устраивает – принуждение.

– Но что делать? Как изменить общество, не сломав ни единого кирпича и не поставив нового?

– Никак. К счастью, я не из бунтарей, и не собираюсь идти против правительства. Как жили, так и будем жить. Что нам до глобальных проблем?

– Мне-то как раз до глобальных проблем. Кто, как ни такие, как я, будут направлять мысли народа в нужное русло?

– Значит, нам не по пути, – вздохнула девушка.

– Почему? Смотри, куда мы идем, – герой посмотрел на часы, – я думаю, нам пора расходиться. До завтра. Когда увидимся?

– В то же время. Можем здесь же, а можем и где вчера.

– Давай по очереди: вечер по твоим правилам, вечер по моим, – предложил Березин.

– Идет. Маркуся. Пока. До завтра, – Саша обняла героя, и он почувствовал себя неудобно. Что эта смелая девушка захочет сделать завтра?

Глава 13 Не то, что вы подумали

Марк и Саша снова встретились в кафе. Они также хорошо провели вечер за беседой о том и сем. На этот раз герой

решил не дарить цветы. Он считал это слишком романтичным и неуместным для их странной полудружеской встречи.

Складываясь отношения между героями действительно можно было назвать именно так. Сам Березин решил, что ему не стоит заводить классическую шарманку обаятельного жениха, а быть для девушки скорее приятелем, чем кандидатом на венчание.

И Саша это с радостью приняла. Она по старой ребяческой привычке общалась с Марком как с соседом по двору, что на удивление нравилось парню. Видимо он наконец понял, чего ему не хватало в детстве, и что он обрел это сейчас.

Герои частенько развлекались и смеялись, они дарили друг другу приятные эмоции, и этого было вполне достаточно.

Марк, оценивая свои чувства к Саше, приходил к выводу, что зачастую даже не смотрит на то, как она одета, и то, что она вообще другого пола. Для него Саша была другом, даже не подружкой, а другом, ведь некоторые ее черты никак не шли девушке: слова, игры, жесты.

Но главное, что присутствовало в отношениях между Березиным и Ермиловой, это их общее равноправие.

Заклучалось оно не только в том, что у Саши были все права, которые есть у мужчины, а в том, что Марк и Саша относились друг к другу как к равному себе человеку.

Пожалуй, главным отличием любви от дружбы является как раз этот момент. Влюбленные ставят объект своего обо-

жания выше себя. Многие готовы идти на жертвы ради любимого человека, лишь бы он был счастлив.

Друзья же, как правило, не идут на подвиги ради друга. Максимум, они могут заступиться за друга в критической ситуации, но делают они это из чувства долга и чести, а не из привязанности к человеку.

Поэтому Марк и Саша не делали друг другу больших подарков, большинство из них были весьма шуточными и житейскими. Юноша, например правда купил девушке шляпку, ведь боялся, что она напечет себе голову на солнце. А Саша часто дарила Марку разные мелочи, которые находила на улице, и парень принимал эти “вороньи подарки”.

Также любовь предполагает заботу о любимом человеке: внимание, опять же подарки-сюрпризы, постоянные переживания за жизнь и здоровье любимого, расспросы о здоровье и душевном состоянии при каждом видимом и кажущемся признаке усталости или недомогания.

Может быть, было бы характерно и для любовных отношений, что герои частенько посмеивались друг над другом и говорили в шутку различные обидные слова. Но они никогда не были восприняты всерьез, а оставались лишь частью веселья.

Думаю, что это все же характерно для дружбы, ибо как говорится в одном анекдоте: лучшие друзья всегда здороваются после долгой разлуки так – “О, привет! А я думал, ты сдох!”. При этом фраза сопровождается хмыканьем и глупой

улыбкой, но друзья никогда не обижаются на такие слова.

Время шло, и как-то раз мать Марка спросила у него:

– Сынок, ты уже такой взрослый. Не обзавелся ли ты еще дамой сердца?

– Как тебе сказать, – заявил парень, – я уже два месяца встречаюсь с одной девушкой по имени Саша, но я не могу назвать ее дамой сердца. Она мне скорее друг.

– А она работает или еще учится? – вдруг вклинился в разговор отец, услышав заманчивое его начало из коридора.

– Работает, – вздохнул юноша, – ее семье сильно досталось. И она и мать вынуждены работать.

– А отец ее где? Убили? – спросила мать.

– Нет. Он служит в армии. Его отправили воевать.

– Значит, она для тебя друг, – повторил мысль Лев Анатольевич, покручивая седой ус.

– Да. А тебя что-то смущает?

– Нет. Два месяца в принципе небольшой срок. За это время еще не полностью понимаешь человека и его отношение к тебе. Может быть мы пригласим твою Сашу к нам в гости? – предложил отец.

– Я не против. Скажи Саше, пусть она приходит, скажем, в воскресенье, – сказала мать сыну.

– Хорошо. Я узнаю, нет ли у нее планов на выходной, – согласился Марк, сделав радостное выражение лица, но в душе понимая, что отец устроит девушке жесткую проверку.

– Какие планы? Как она может быть где-то еще, если не с тобой? – тоном приказа произнес Лев Анатольевич.

– Может. А вдруг у них семейные дела?

– Ладно. Зови, когда она сможет, и сообщи нам, – попросила мать.

Встретившись после этого с Сашей, Березин сообщил:

– Саш, мои родители очень хотят с тобой познакомиться. Сможешь прийти к нам в воскресенье?

– Смогу, наверное. А что за надобность?

– Отец решил, что мы с тобой того этого, ну встречаемся, и он хочет устроить тебе проверку. Я против этого, я знаю своего отца, ему точно что-то в тебе не понравится.

– Я думаю все, – с усмешкой заявила девушка, – а ты ему говорил, что мы друзья?

– Говорил, но он считает, что это пока что мы друзья.

– Так и скажи ему: если мы надумаем жениться, то я приду, а пока мы с тобой просто приятели, – Саша была пряма и настойчива.

– Хорошо. Я тоже так думаю. Просто мне не хочется портить и без того плохие отношения с отцом. Хотя мне на него наплевать. Как и всегда было наплевать. Я живу сам независимо от родителей. Мать только я расстраивать не хочу.

– Зная твоего отца из твоих рассказов, я понимаю, что добром эта история не кончится, приду я или нет. От моего появления все может стать еще хуже.

– Да. Я знаю. Ты не умеешь врать.

– И быть паинькой. А он, я так понимаю...

– Консерватор, жуткий. Он не признает равноправия и вообще не считает женщин людьми, – заявил Марк.

– Значит оставим это до поры до времени, – решила Саша.

Время это, однако, настало довольно быстро. Узнав слова Саши о встрече, Лев Анатольевич заявил:

– Что это за дамочка такая важная? Или она согласится прийти к нам, или я не разрешу тебе жениться на ней, – поставил вялый ультиматум отец.

– А каким образом ты не разрешишь? – издевательски спросил Марк, – да и вообще, с чего ты вдруг решил, что я решу на ней жениться?

– С того, что ничего не бывает просто так. Ты никогда не заводил таких близких знакомств ни с одной дамой, а тут вдруг... Если она не придет сюда для знакомства, то мы перестанем общаться с тобой, и дверь нашей квартиры будет навсегда для тебя закрыта! – повысил голос отец.

– А мама тут при чем? – спросил герой.

– Что значит мама при чем? Мы с ней перестанем общаться с тобой!

– Мам, ты действительно этого хочешь? – спросил юноша.

– Нет, – тихо произнесла Людмила, – но с отцом не поспоришь.

– Почему? – недоумевал Березин, – почему ты всегда под-

чиняешься, а отец командует тобой? Времена меняются.

– Но не в нашей семье, – произнес четко и громко, как военачальник, глава семейства.

– Я не хочу быть, как вы. В моей семье, когда она будет, не будет главного. Оба супруга должны принимать решения, – заявил сын, – только ради тебя, мама, я могу уговорить Сашу прийти. Но если тебе, папа, что-то в ней не понравится, то виноват в этом будешь ты.

– Да делай, что хочешь, тебе уже никогда не достичь былого величия рода Березиных, – понизил тон Лев Анатольевич.

– Да и не надо мне такого величия. Не в деньгах счастье и не во власти. Можете не ждать Сашу. Она не захочет идти, – сказал Марк, взял с вешалки свою шляпу и ушел из дома.

Глава 14 Трагедии в семье

После этого неприятного разговора Марк перестал приходить в дом к родителям. Ему было невероятно жаль мать, он хотел ее видеть, но встречаться взглядом с отцом он не мог, поэтому даже не заходил в выходной.

Зато с Сашей юноша стал общаться с большим рвением, ведь она стала для него лучшим и практически единственным другом. Максим теперь был занят работой, и старые друзья из института виделись крайне редко. А с Ермиловой Марк встречался каждый вечер, а в выходной и вовсе приглашал к себе на весь день.

Стало холодать. Теплое и даже жаркое лето сменилось

дождливой осенью, но это не мешало Саше и Марку проводить время вместе.

Они смотрели в окно, что-то вместе читали, иногда девушка помогала Березину сочинять стихи или подсказывала нужную фразу для статьи или рассказа. Бывало так, что Марк брал работу на дом, если не успевал в короткие сроки завершить редакцию журнала.

“Жизнь без бога” стал популярным журналом для постепенно просвещающегося народа. Там часто были актуальные анекдоты про старые порядки и власть, рассказы про деревню и город, иногда встречались и правдивые истории “из народа”. Все это делал Тим Ясный. Весь журнал в плане своего наполнения составлялся им.

Возвращаясь к отношениям Марка и Саши, стоит упомянуть, что герои всегда были близки по духу, часто обнимались и были счастливы, но никогда, повторю, никогда не поддавались страсти и не чувствовали себя влюбленными людьми. Максимум, что Саша могла сделать – это чмокнуть Березина в щеку или лоб. По-дружески, иногда вместо приветственного рукопожатия.

Настала зима, Москву покрыл белый пушистый снег, пришли холода, но на душе у друзей всегда было тепло.

Холодно было лишь на душе у родителей Марка. Людмила просила мужа отпустить ее, чтобы повидаться с сыном, но он отказывал ей, говоря, что не стоит опускаться до уров-

ня этого циника и безбожника, а сам подолгу сидел в своей комнате, рассуждая о том, где же он допустил ошибку в воспитании сына.

Старый офицер уже не работал, а жил на пенсию. Он стал совсем слаб здоровьем, и почти не выходил дальше двора дома. Его нога, поврежденная снарядом на войне, стала сильно болеть, что делало передвижения даже по дому весьма затруднительными. Но гордый офицер не хотел помириться с сыном, а все чего-то ждал.

Однажды Лев Анатольевич сильно простыл, и оказался совсем беспомощен. Он уже не вставал с кровати, а Людмила почти все время проводила с ним. Она приглашала врача, но никакие микстуры и таблетки не могли поднять на ноги несчастного и нежелающего жить человека. Шестидесятидвухлетний старик, переживший достаточно позора, решил, что он не намерен больше терпеть унижение советской властью и раздором в семье.

Узнав о болезни отца, Марк тут же приехал к родителям. Увидев в постели больного и изможденного горем отца, он не сдержался и пустил слезу.

– Пусть будет по-твоему, Марк. Настанет новое время, и такие люди, как ты, будут жить счастливо в новом мире. Главное, чтобы были счастливы люди, и не важно, что делает их такими, – говорил слабым и хриплым голосом отец.

Сын молча слушал его и не знал, что сказать. Его мысли были о непристойном для него – о боге и небесах, на которые

вот-вот мог отправиться Лев Анатольевич.

В те дни Марк был разбитым и печальным. Даже Саша не могла его успокоить.

А последний день жизни офицера оказался самым плохим для его семьи.

Находясь уже в полубредовом состоянии, он вдруг начал говорить одно и то же:

– Икона, икона Богоматери, – шептал он, кашляя и давясь.

– Что еще за икона? – спросил врач, дежуривший у кровати больного с самого утра.

– Не знаю. Быть может, он хочет приложиться к иконе, – произнесла сквозь слезы Людмила, хотя она прекрасно понимала, что имеет в виду муж.

Она отошла к Марку и сказала:

– Он говорит про нашу семейную икону. Он хочет увидеть ее в последний раз.

– Я понял. Я не успею за ней съездить, – прошептал герой, боясь, что его услышат.

– Тихо. А то услышат. Я не знаю, что сделать, – заявила Людмила.

– Люда, – прошептал Лев Анатольевич.

– Он хочет что-то сказать вам, – толкнул врач жену больного.

– Да, дорогой, – жена склонилась над ним, – говори.

– Икона, – почти не слышно проговорил офицер, – увезите ее, она... а, – дальше жена не разобрала. Речь умирающего

стала совсем невнятной, и вскоре он поник.

Врач констатировал смерть.

Мать и сын заплакали, и тогда Марк подумал о том, что отец был для него хоть и не добрым родственником, но самым близким вместе с мамой, он был человеком, гордости и выдержке которого можно было только позавидовать.

Правда семьянин из него был не особо. Но все равно юноша не мог без тяжелого груза на душе вспоминать о моментах из жизни, которые подарил ему отец. Он столько делал для него, не теряя надежды на то, что сын еще исправится.

Квартира Березиных наполнилась чужими людьми. Это были и санитары, и милиционеры, и работники домового учета.

Комиссия осматривала квартиру, чтобы сделать окончательный вывод о ее состоянии, ибо решением вышестоящих органов, данное помещение должно было перейти в руки государства, а вдова – переехать к сыну.

И вдруг на глазах у всех комиссией был обнаружен тайник в стене. Из него были изъяты драгоценности из Березинского сервиза, а также та самая, старинная икона Богоматери.

Марка тогда в квартире уже не было. Осталась только его мать, и когда у нее спросили: “Что это?” и “Кому принадлежит?”

Она не смогла ответить ничего. Она поняла лишь одно: ее муж тайно от нее перевез драгоценности из тайника и заму-

ровал их в стене этой квартиры.

Милиция изъяла золотой сервиз, а икону упрямая и убитая горем вдова отдавать отказалась. Она твердила, что это священная икона семьи Березиных, и что последнюю частичку святого духа в доме она не отдаст ни за что. Ее увезли в отделение, где составили дело по факту сокрытия драгоценного имущества и религиозной атрибутики. Людмила словно сошла с ума, но никто не хотел ее лечить. Ее сослали в лагерь, куда отправлялись все набожные и бунтующие против советской власти люди.

Узнав эту удивительную и ужасно нелепую историю с трагическим финалом, Марк впал в отчаяние – он за один день лишился обоих родителей. Он понимал, что больше никогда не увидит свою мать. Он знал, что с буйными религиозниками в лагерях поступают жестко, и что освободить ее никто не разрешит. Уж очень много отягчающих обстоятельств: принадлежность к высшему сословию, проживание в огромной трехкомнатной квартире вдвоем, что и так разрешили со скрипом, хранение помимо иконы еще и драгоценного сервиза из золота, и в довершение, отрицание собственной вины и попытки нападения на сотрудников милиции.

Формально в этом был виноват лишь Лев Анатольевич, который без согласия и спроса жены поместил ценности в тайник. Поэтому рисковать собственной репутацией ради попытки, даже не освобождения, а попытки освобождения

матери, Марк не решался.

Он понял, что единственный шанс спасти ее – это вырасти в плане известности, чтобы нужные люди наконец прислушались к нему и выполнили его просьбу, дабы не поднимать шумихи.

Глава 15 Рост и развитие

Саша осталась единственным родным человеком для Марка. Он подолгу обнимал ее и просто молча смотрел на нее, пытаясь найти утешение в ее глубоких и живых глазах.

Девушка не могла помочь, у нее не было никаких связей в милиции или других органах власти, а ситуация с матерью Березина ставила ее в тупик. Она так же, как и юноша не видела никаких выходов из этой ситуации. И ладно если бы мать убили сразу, а то ведь она находилась в неволе не по своей вине и мучилась. Неизвестно, сколько она там пробудет, прежде чем ослабший организм сдастся и прекратит работу.

Если бы парень верил в бога, он бы непременно и подолгу молился бы за жизнь и здоровье матери, но он не мог себе позволить такую глупую слабость духа, поэтому переносил горе без мольбы о помощи всевышнему.

Тогда герой впервые по-настоящему задумался о тирании советского режима. Он понимал, что от новой политики гибнут и страдают невинные люди. Может быть, они в чем-то и провинились, но они никак не заслуживают смерти и мучений.

Но если судить в глобальном масштабе, то оказывается, что репрессиям подверглись лишь представители высшего сословия и духовенство вместе со своими ярыми последователями. Эти люди были не нужны новой стране. Попы никогда бы не оставили свое прибыльное дело, а сектанты и набожные люди никогда бы не оставили самое святое, что у них есть.

Другое дело, что их дети ни в чем не виноваты. Дети всегда невинны. Их матери зачастую тоже. Женщины в то время лишь слушались своих мужей и жили так, как им диктовали различные правила.

Опять же, мать Марка, никогда не делала никому ничего плохого, не убивала, не мучила. Только жила за счет других. Но опять же, не потому что ей так захотелось, а потому, что она родилась в таком обществе. Не могла же она в здравом уме стать нищенкой и поселиться в трухлявой избе при наличии у родных поместья?

Но если так рассуждать и дальше, то получится, что виноват в трагедии революции князь Владимир, крестивший Русь, или, быть может, Иван Калита.

Поэтому Марк пришел к выводу, что горе нескольких семей – это всего лишь необходимая жертва ради благополучия остальных. Он думал, сколько крестьян сейчас наконец получили земли, сколько бедных людей получили жилье, а главное – сколько людей наконец выбросило из головы мусор, который заливали туда попы и помещики.

Марк взялся за новую повесть. Отойдя от пережитого, он набрался вдохновения и начал творить. Он писал повесть про мальчиков, которые проводили беззаботные дни за баловством, но узнав о том, что в городе не хватает рабочих рук, они стали помощниками по двору и совершали различные “подвиги”.

Имя Тим Ясный теперь было на слуху у всех работников редакций. Его необычный стиль стихов, правдивые и очень злободневные рассказы понравились другим издательствам. Союзпечать даже отправила предложение Марку издать сборник его произведений в книжном переплете.

Естественно, юноша согласился, и вскоре в продажу поступили две книги: сборник стихов и две повести Тима Ясного.

Обе книги, а особенно новая повесть о приключениях мальчишек, понравились читателям, которые узнали о писателе не только как о газетном поэте, но и детском авторе. Эта повесть действительно получилась скорее для детей. Простой язык, отсутствие больших подробностей и лирических отступлений сделали книгу Тима понятной для еще неокрепших умов.

Но как детский писатель Ясный отрекомендовал себя лишь однажды. В основном он писал серьезные произведения с глубоким подтекстом и скрытым смыслом, понять который могли лишь взрослые люди.

Но и этой аудитории было достаточно, чтобы прославить нового автора на заре расцвета социализма.

Марк вступил в партию ВКП(б), стал почетным членом Совлита, и имел уже статус писателя, но все равно работал над журналом “Жизнь без бога”. Он был для Березина чем-то уже родным и своим. Без него в жизни героя не было бы постоянства и порядка. А так приходилось каждый день вставать на работу, ехать, трудиться и все делать по графику. А так, как говорил Марк, он бы стал меланхоликом и то писал бы, то не писал, как какой-нибудь классик XIX века. А у Тима Ясного не было каникул, отпуска, пропуска и прочего повода, чтобы не работать.

Как порядочный человек, имеющий некоторые связи, парень смог устроить Сашу в издательство. Там она стала машинисткой, набивавшей текст на бумагу, благо у нее были ловкие пальцы и хорошая мышечная память.

Теперь друзья, а они по-прежнему были друзьями, виделись чаще, но все равно Саша работала в другом здании и приходила к Марку только чтобы забрать нужные ей бумаги.

Коллеги по работе относились к Марку с уважением. Он был хорошим работником, никогда не опаздывал и работал для души, поэтому от составления текста для журнала его было не оторвать.

А вот к его дружбе с Сашей другие относились с недопо-

ниманием. Марк всем, кто спрашивал о девушке, объяснял, что она не родственница, не невеста, а лучший друг. Но многие говорили: “Не гони. Ты ее любишь. Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает”.

А Березин отмахивался и говорил: “Эх, скептики. Дружба все равно лучше любви. Можно разлюбить безо всякой причины, а друг может надоесть только в том случае, если с кем-то из нас произойдут изменения в лучшую сторону. А если мы нашли друг друга и остаемся такими же, то наша дружба будет крепка”.

Ермилова оставалась все той же девочкой в душе, хоть у нее появлялся жизненный опыт. Но ведь он не мешал ей играть в “Орлянку” или пить яблочный сок во дворе. Поэтому она вместе с Марком продолжала наслаждаться жизнью всеми возможными, а в основном, излюбленными способами.

Под влиянием общественности и мнения лучшего друга она стала одеваться лучше, носить модные вещи, но при этом оставаться той же смелой девушкой, которая не боится слов и дел. Скажем так, имидж не сказался на ее поведении.

Да, со временем Саша решила переехать в квартиру к Марку. Она прописалась там с разрешения героя. Мать девушки даже стала предлагать устроить свадьбу, но пока что герои не соглашались на такой смелый шаг. Пока. Но это уже совсем другая история...

Глава 16 Оскорбление чувств атеистов

Людмила Александровна жила в ссылке. Ее, как и многих других людей, невзирая на пол, возраст и состояние здоровья, принуждали к тяжкому труду. Женщина, никогда не выполнявшая никакую тяжелую работу, быстро стала погибать. Однажды до нее дошла посылка из Москвы. Это сын отправил ей теплые вещи и письмо. В письме герой подробно описал ситуацию и дал понять, что освобождение будет стоить самому Марку многого, но он постарается ради любимой матери.

Но через полтора года после отправки в лагерь Людмила Березина скончалась от инфекции, которая поразила почти половину пребывавших там людей.

Узнав о смерти матери, Марк поник и понял, что он не успел. Он даже не попытался ей помочь, ведь понимал, что так он загубит себя и не сделает ничего полезного. Но теперь эта несделанная попытка терзала душу парня, и лишь долгие беседы с Сашей, ее милый, уже ставший для него милым, голос голубоглазой девушки помог герою преодолеть горе.

Березин был оптимистом, как и Ермилова. Сам парень говорил, что не стоит переживать за то, на что не в силах повлиять. Но теперь, когда самое плохое уже случилось, оставалось с этим смириться и жить как прежде. И ведь толком для героя ничего и не изменилось. Он и при жизни родителей общался с ними неохотно и нечасто, после ссылки матери он оставил мысли о ней где-то вдалеке, и не потому, что он циник и бессердечный человек, а потому что понимал,

что горе – это яд, разъедающий тело и душу, поэтому, исходя из вышеназванного правила о ненужности переживания, Марк оставил мысли о маме.

Но когда беды уже забылись и прошло три года, три счастливых, но и обычных, казалось бы, года, произошло роковое событие для Марка.

Все началось осенью 1926 года. В редакцию стали поступать угрозы расправы с “вестниками ереси и душевной грязи”, как называли анонимные хулиганы авторов газеты “Страна атеизма” и журнала “Жизнь без бога”.

Естественно, в это дело вмешалась милиция. Но писавшие угрозы люди ловко шифровались. Они не подписывались и не писали обратного адреса. Чаще всего неизвестный человек клал в почтовый ящик письмо посреди ночи, при том, когда милиционер устраивал на него засаду, он, неизвестно откуда зная это, не приходил на место.

Но не мог же милиционер дежурить у входа в редакцию каждую ночь, поэтому преступника поймать не удалось.

Помимо угроз редакции, поступали гневные сообщения в адрес самого Тима Ясного. Ему обещали навсегда заткнуть рот и отрезать руки.

Марк не сильно тревожился за себя, во-первых, он был уверен в том, что его враги – трусы, раз способны лишь писать угрозы, во-вторых, он был уверен, что находится под защитой и покровительством милиции, а неизвестные люди

являются уже не хулиганами, а настоящими преступниками, которых следует посадить хотя бы только за веру в бога и порицание советской идеологии. А в-третьих, Марк был уверен, что гнусный преступник не станет нападать на него, как только увидит его рост. Да, Березин был высоким – метр восемьдесят. (Прошу заметить, для начала XX века такой рост считался высоким для мужчин).

Но в один ужасный день, а именно 25 октября, в день революции по старому стилю, Марк вышел из редакции вечером и направился домой. Саша в тот день еще была на рабочем месте, поэтому герой не ждал встречи с ней на пороге квартиры. Ему казалось, что его кто-то преследует. И действительно, за ним шла какая-то женщина средних лет. Но не могла же она быть человеком, которого послали напасть на Березина. Поэтому герой счел ее какой-нибудь сотрудницей Совлита или, в конце концов, поклонницей. Но разговаривать у парня настроения не было, поэтому он просто продолжил идти, будто не замечая преследования.

Так герой доехал до дома и вошел в свою квартиру, почувствовав себя легче.

Но лицо женщины, которая его преследовала, было каким-то подозрительным. Она была несвойственно для своего возраста ярко накрашена, а ее выражение лица было неестественным. Она всякий раз отводила взгляд, когда Марк поворачивался к ней.

“Или поклонница, или за мной охотятся,” – подумал Бе-

резин.

Не прошло и пяти минут, как в дверь постучали.

“А это еще кто? – удивился Марк и схватил с кухни нож, – а вдруг поклонница или вообще милиционер? А я буду с ножом стоять. Не надо.”

Он отложил нож на место и открыл дверь.

В комнату ввалился здоровый мужик ростом почти как Марк, только крупнее, в темном пальто, кепке и с большой черной бородой.

Он выхватил из кармана нож странного золотого цвета и попытался ткнуть им в парня, но тот увернулся, схватил первое, что ему попало под руку, а именно длинный зонти-трость, и отбил удар.

Противник не выронил ножа, а вместо этого сделал быстрый удар кулаком другой руки в незащищенную область – грудину.

Марк отскочил и пошатнулся, упав на тумбочку, где хранилась обувь.

– Ты Тим Ясный, – то ли спросил, то ли заявил незнакомец низким чуть хриплым басом, – вода клинком в воздухе.

Только тогда парень заметил, что это не нож, а большой латунный крест с изображением распятого Христа, только заточенный с нижнего конца как кинжал.

“Это какой-то ритуальный нож!” – с ужасом подумал Марк.

На него напал какой-то сектант.

Преступник схватил Березина за воротник рубашки и бросил об стену. Герой ударился головой и на пару секунд потерял ориентацию.

Над ним навис грузный мужчина и наставил клинок-крест над сердцем. Марк увидел, что на шее у нападавшего висел массивный крест. Злодей сделал махнул оружием вниз, но парень успел увернуться, и ему задело только локоть.

Марк в ярости ударил нападавшего кулаком в челюсть, но тот только слегка покачнулся, позволив герою выбраться из-под него.

Березин побежал на кухню, где схватил самый большой нож и встал в боевой готовности.

Сектант прибежал на кухню и вдруг, выхватив откуда-то маленький метательный ножик, кинул его в Марка, но не попал. Герой взял чугунную сковороду и решил использовать ее как щит. Подойдя поближе, он сделал попытку нападения на врага, но тот успел закрыться.

В ответ злодей отошел на шаг и ударил пяткой прямо по сковороде. Марка ударило ею, он выронил сковородку и просто кинул нож в противника. Он проехался по плечу сектанта, не принеся особого урона.

– Что вам нужно? – спросил Березин, стараясь не показывать страх.

– Чтобы Господь наконец забрал твою грязную душу, – произнес преступник с таким тоном, с каким обычно запусивают жертву на каком-нибудь культовом обряде.

– А черта с два, – сказал герой и, схватив второй нож из ящика, метнул его в противника.

Он вонзился в бедро злодея, он взвыл, но не остановился и попер на парня. Сектант врезал Березину по носу и повалил на пол.

– Готовься к смерти, щенок, посмевший оскорбить Господа! – мужчина навалился на героя и стал его душить

– Не я один такой, сейчас вся страна превращается в атеистов, – прошептал Марк, пытаясь поймать порцию воздуха.

– Из-за тебя, щенок, – еще больше сдавил шею злодей.

Тогда, в момент критической опасности, Марк быстро сообразил, что нужно бить по слабым местам, и вцепился свободной рукой в нож, торчащий из раны противника, и вытащил его.

Тот вскрикнул и упустил силу, в этот миг Березин высвободился, отполз и побежал в гостиную, но споткнулся и упал.

Убийца побежал за жертвой, он схватил его еще раз и хорошо стукнул о стеклянный шкаф, так что стекло разбилось.

Марк дернулся обратно, но сектант снова, с еще большей силой впечатал его в дверцу. Стоявшая на краю крышки шкафа ваза, которую туда видимо еле-еле пристроила Саша, раскачалась и упала прямо на голову преступника. Ваза была большой и тяжелой, поэтому достаточно сильно оглушила злодея, он потерял контроль, и Березин смог нанести удар в челюсть, потом в нос, и противник упал. На всякий случай

Марк добавил ему ногой в бок и живот, схватил нож из креста и завернул в платок как улику.

Герой утер кровь на лице и побежал на улицу, чтобы вызвать милицию, благо телефон-автомат был за углом.

Он вызвал помощь и медленно поковылял к дому. Придя в квартиру, он убедился в том, что злодей без сознания, и улегся на кровать.

Приехавшие милиционеры быстро скрутили преступника, и Марк отдал им главную улику – нож-крест. Стало понятно, что угрозы и это нападение связаны. Теперь у следователей был один хороший преступник.

Саша пришла домой чуть раньше обычного. Она была чем-то перепачкана и кашляла.

Марк прямо из комнаты спросил:

– Что случилось? Что-то ты сегодня рано.

– Пожар, – пытаясь отдышаться, произнесла девушка, – в редакции пожар. Я бежала, боялась за тебя, думала, ты там, а ты тут. Ты в порядке?

– Почти, – Марк предстал перед Сашей в жалком побитом виде, – на меня напали.

– Маркуся, – девушка кинулась обнимать друга, – где? Кто? В милицию сообщил?

– Да. Они забрали его отсюда. Видишь этот бардак? – спросил парень.

– Ой, да. Тебя прямо здесь? Какой ужас!

Герои сидели на кровати и просто молча обнимали друг

друга, а в голове Марка была только одна мысль:

“Они повсюду, они собрались на бунт. Они убьют нас...”

Глава 17 Протечка крыши

С того самого дня Марк стал пугливее, но главное, что в его голове произошли изменения, которые в дальнейшем повлияли на его жизнь.

Напавший на Березина мужчина был допрошен, но результатов это не дало. Он был невменяем, что было неудивительно для сектанта. Он не сдал своих, продолжая угрожать, что всем коммунистам придет конец. Даже после пыток, которые в то время активно применялись советскими следователями, он не сдался, и его пришлось отправить в тюрьму.

Женщину, преследовавшую Марка на улице, по составленному фотороботу не обнаружили. Видимо, ключевую роль в маскировке сыграл ее яркий макияж.

Поджигателя так и не нашли, и дело на этом застопорилось.

Огонь уничтожил часть помещений в здании редакции. Сгорели все бумаги, все работы Марка, но дома у него хранились подлинники всех стихов и наброски к статьям, поэтому по возвращении в отремонтированное здание герой продолжил работу.

Правда вот настроение у него было скверным. Его преследовали мысли о том, что с ним еще не раз будут расправляться. Особенно он боялся за Сашу, ведь она точно бы не справилась с нападавшим вроде того, что проник в квартиру

Марка.

Поэтому парень попросил у начальства перевести Ермилову в здание к нему. Просьба была выполнена, ведь авторитет Тима Ясного был уже весьма весомым, и работники Совлита старались всячески поощрять Марка, ибо другого такого писателя им не попадалось.

Березин был единственным в своем роде автором. Другие немалочисленные писатели занимались литературой с иной направленностью. А слова Тима Ясного были как нельзя кстати для советской пропаганды.

Саша стала замечать, что Марк стал меняться. Он часто озирался по сторонам, держал девушку за руку и старался не упускать из вида. Герой повесил цепочку на двери своей квартиры и даже приобрел пистолет, обратившись в контору компартии, так как в то время партийные люди имели право носить при себе одну единицу огнестрельного оружия.

Теперь с появлением в кармане пальто или пиджака “Нагана” Марк стал спокойнее, но все равно его преследовала мысль о том, что его убьют верующие.

Время шло. Березин и Ермилова по-прежнему жили вместе. Их дружба стала еще крепче после пережитых покушений. Они оказались схожи чем-то в душе, хоть они выросли в разных условиях. Но у Саши было хорошее образование среднестатистической московской школы, оптимизм и веч-

но ребяческое настроение во время досуга, что никогда не позволяло Марку скучать с ней.

После нападения герой вдруг понял, что может в любой момент уйти из жизни, поэтому решил, что квартира в случае гибели должна перейти Саше.

Герои расписались в ЗАГСе без огласки для семьи девушки, ведь они были уверены, что ее мать обязательно захочет праздничных свадебных традиций, а молодожены совсем не хотели целоваться на виду у всех и играть счастливую и до страсти влюбленную пару. Они оба не любили обманывать.

Саша, к слову, не сменила фамилии. Квартиру оформили на двоих, так что теперь у супруги было право унаследовать ее.

А еще Марк оформил в редакции для девушки право унаследовать его авторское имя и получать гонорар за проданные книги.

Во время всех этих манипуляций герой понял, что в этом случае отсутствие родственников очень даже кстати. Он так не любил слушать истории о том, что кто-то кого-то отговаривает, что-то не разрешает, не одобряет, а тут Марк стал сам себе хозяин.

И все вроде бы стало налаживаться. Годы шли, старые раны затягивались, Березин уже не так часто оглядывался по сторонам и из его головы стали пропадать мысли о сектах-убийцах, но внезапно все изменилось в худшую сторону:

Как-то раз в темном переулке на Марка напали грабители. Они не успели нанести ударов, как герой выхватил пистолет и пальнул в воздух. Нападавшие в страхе разбежались, но герой все равно почувствовал себя каким-то жалким и засомневался, что он находится в полной безопасности.

Другой раз оказался и того хуже:

Марк подошел к киоску и попросил себе пирожок с мясом. Продавщица очень ему кого-то напомнила, но так как герою по работе приходилось видеть очень много людей, он не сразу вспомнил, кто это.

Вскоре Березин почувствовал себя очень плохо, и перед глазами встал образ продавщицы из ларька: это была мать Ларисы. Той самой, которую Марк пятнадцать лет назад довел до самоубийства.

Марк провел дома с отравлением два дня. Саша боялась оставить его одного, но работа не могла ее ждать, поэтому герой остался наедине с собой и своими безумными мыслями.

Он вспомнил, что мать Ларисы говорила тогда: “Вот бы мне найти того, кто ее загубил, да и придушить”.

“Не придушила тогда, так теперь отравить хотела”, – подумал Марк.

Эта мысль не выходила из головы героя, и ему становилось только хуже:

“Меня убьют. Меня убьют верующие. Она меня нашла и теперь точно доведет до гроба.”

Придя домой после работы, Саша не узнала друга: нико-

гда еще Березин не выглядел так несчастно, в его глазах горело отчаяние на грани безумия. Он все время твердил одно и то же:

“Меня убьют верующие”.

Была ли это действительно мать Ларисы или нет, мы никогда не узнаем. О ее судьбе Марку было неизвестно. Он больше никогда не приходил к дому Ларисы и старался забыть эту страшную историю как сон. Но теперь она вновь стала для него кошмаром, который медленно сводил его с ума...

Глава 18 Несколько шагов до истины

Саша вникла в курс дела. Марку пришлось рассказать историю с Ларисой, которую он скрывал столько лет. Девушка, конечно, не стала осуждать героя, ведь поняла, что его вины в случившемся гораздо меньше, чем ему казалось и стало казаться сейчас. Вернее, он не почувствовал себя снова виновным, а просто стал опасаться за свою жизнь.

Ермилова стала успокаивать Березина и отводить его от этой страшной темы, но он не хотел оставлять мысли о скорой смерти от рук верующего.

На третий день после отравления Марк все же вышел на работу. Ему было не столь плохо в теле, сколько на душе. Он стал еще чаще оборачиваться и перестал брать еду у незнакомцев. Даже коллеги, которые угощали его чем-то, приготовленным дома или купленным по случаю праздника, стали для героя “врагами”.

Это не могли не заметить работники редакции. Они не хотели тревожить Марка вопросом о его странном поведении, поэтому задали его Саше. Она рассказала все максимально мягко, заявив, что ее друг пережил два нападения и стал опасливее. А еду он не брал, потому что боялся вновь расстроить свой желудок, и это действительно могло быть отчасти правдой.

Но главное, что, работая над очередной атеистической статьей, Марк стал сомневаться в том, что он пишет правду. Он иногда думал:

“А может они правы, эти верующие, а мы нарушаем священные традиции, да что там традиции, быт нашего народа? Ведь если представить: мы больше девятист лет верим в Христа и вдруг ни с того, ни с сего перестали. Забрыкались, как больной в приступе жара. Что нас ждет? Мы уже пережили междоусобную войну. Неужто нам опять придется страдать? Но неужели смысл и правило жизни в том, чтобы пресмыкаться перед неким всевышним существом? Что за бред? А отрицание этого что не бред? Тысячу лет был бог и вдруг не стало. Вопрос: кто не прав, князь Владимир, попы или все же пролетарии и большевики? Ответ очень прост. И я узнаю его, как только меня убьют. Но не могу я бросить Сашу. А вдруг там ничего нет, и мы никогда больше с ней не увидимся? Ах. Как сложно!”

Работа Тима Ясного теряла смысл для самого автора. Он уже не знал, что делать. Он не знал, кому верить. Если он

всю жизнь был атеистом, то уж лучше умереть за свою идею ради своего доброго имени. Но, с другой стороны, он еще может попросить прощения у Господа и попасть в рай. Но тогда что думать насчет убийцы? Неужели один верующий убьет другого и оба они попадут в рай? Тоже ерунда.

Но рассуждая с земной точки зрения, Марку было выгоднее умереть как герой социализма и остаться в памяти народа как неумолимый рупор народа и просветитель атеизма.

А так получится следующее: “писатель Тим Ясный сошел с ума на почве покушений и покончил с собой, признавшись в своей вере в бога” – будут писать газеты. Нет, это никуда не годится.

Однажды Марк признался Саше в своих сомнениях относительно веры. Девушка внимательно выслушала его точки зрения и согласилась с тем, что менять что-то уже поздно, и лучше умереть героем в этом, пусть даже и не справедливом обществе.

Но опять же желание попасть в возможный рай заставляло Березина иногда сомневаться в правильности своих действий.

После своего интервью, которое было опубликовано в очередном номере “Страны атеизма” и газеты “Правда”, Марк стал узнаваемым в народе. Его внешность наконец узнали, и теперь на улице к нему часто подходили читатели и просили автограф. Некоторые спрашивали что-то, но чаще

всего Березин был немногословен и старался отшутиться от беседы. Ему всегда казалось, что в такой толпе поклонников может затесаться преступник. Поэтому Марк никогда не терял бдительность и не принимал подарков от незнакомцев.

И чутье не подвело героя: однажды, было это третьего сентября 1930 года, среди поклонников и читателей оказался человек, вооруженный ножом. Подойдя к писателю поближе якобы для автографа, он достал клинок и хотел тихо вонзить его в печень жертве, но Марк вовремя увидел это и схватил за руку злодея. Березин тут же врезал противнику со всей силы в нос, отчего слабый невысокий мужчина упал на асфальт, а собравшиеся рядом люди ахнули и отошли подальше.

– Он хотел меня убить, – сказал дрожащим голосом Марк. Он задрал воротник рубашки упавшего и увидел под ним цепочку, на которой висел крестик.

Герой ошалел и сел на землю.

– Вам плохо? – подбежали к нему читатели.

– Нет. Но он верующий! – воскликнул Марк, – меня хотел убить верующий!

Преступника доставили в полицию, где тот признался в том, что хотел убить известного автора из зависти и ненависти. Задержанный начал нести откровенную чушь про то, что сегодняшнее число – 03.9.1930 он выбрал не случайно (а это действительно интересный палиндром 0-3-9-1-9-3-0), затем про магию и обряды, и его поместили в психбольницу

для уточнения диагноза и постановки на лечение.

Придя домой, Березин сразу заявил Саше:

– Меня снова хотели убить. И это был верующий! У него на шее был крестик!

– Бедный мой, Мартик, за что ж тебе это? – риторически произнесла девушка и обняла героя.

Но он вспылил. Ему не понравилась фраза “За что”, которую он считал бессмысленной для описания жизненных событий и пригодной только в речи верующих, поэтому схватил Сашу за плечи и пригрозил:

– Что еще за “За что”? Ты меня к вере склоняешь? – герой стал трясти девушку.

– Нет, что ты, я оговорилась. Успокойся, – поспешила утешить его Ермилова.

Марк отпустил Сашу и, тяжело вздохнув, сел на кровать и произнес:

– Как я от этого устал! Как я хочу просто расслабиться и не бояться за себя и тебя.

– Так и не надо. Живи как жил раньше. Просто будь осторожен, – девушка села к герою на кровать.

– Не могу, не видишь, что меня пытаются убить? Я чувствую, что за мной придут.

– Тебе надо в отпуск. Может поедем куда-нибудь? На море, или еще куда-нибудь? – Саша стала поглаживать Марка по голове, что ему обычно доставляло удовольствие.

– Какой отпуск? Не знаешь, что ли? У меня работа, жур-

нал не может без редактора.

– Ради меня, Маркусь, я тоже устала. Может поедем?

– И почему я тобой так восхищаюсь? – улыбнулся Березин, посмотрев на Сашу, – поедем. Только надо все уладить.

В тот день Марк был заведенным и не успокаивался. Он метался по комнате, сначала от пережитого потрясения, потом пытаясь придумать какую-то строчку нового стиха.

Саша готовила и подавала ужин.

Вдруг на кухню ворвался радостный писатель и сказал:

– Вот, послушай, что я придумал.

Он подошел близко к девушке, которая что-то резала для салата. Она резко повернулась, при этом держа нож в руке.

– Что? – спросила она, видимо не расслышав, что сказал Марк.

Герой тут же выбил нож из рук девушки и, схватив ее за горло, кинул в сторону. Она ударилась об угол стола и упала.

– Напасть на меня хотела!?! – возмущенно произнес Марк и вдруг осознал, что натворил.

На полу лежала Саша. Ее висок был разбит, из него лилась кровь.

Герой тут же подскочил к Ермиловой и приподнял ее голову.

Глаза ее были открыты. На них остался испуг и неожиданность. Они были также пронзительны и голубы, но они уже никогда бы не улыбнулись герою.

Пульса не было. Саша умерла мгновенно от пробития виска и кровоизлияния в мозг.

– Саша! – прошептал Марк, – нет! Я не хотел! Да, ты меня уже не слышишь. Уже поздно говорить с тобой...

Березин застыл в отчаянии, понимая, что его жизнь тоже закончилась. Он не сможет жить после этого. Если он подстроит все как несчастный случай, он будет каждый день вставать на работу и завтракать на том месте, где лежала мертвая Саша. Потом он либо признает свою вину, либо сойдет с ума и проживет еще много несчастливых лет в психушке.

Такого позорного убийства он не мог себе представить. Такое он не мог пережить и забыть.

Марк обратился к Господу:

– Господи, прости меня, грешного, я не хотел убивать ее. Это все мои нервы и тот человек на улице. Господи, дай мне увидеться на том свете с Сашей. Хоть один раз, прежде чем я попаду в ад!

“Так, стоп. Какой господь? – удивился сам себе Марк, – Марк. Ты что делаешь, идиот? Я ж решил умереть как герой. Но если не герой, то хотя бы без креста и веры в сердце”.

Марк спешно написал записку для милиции:

“Я, Березин Марк Львович, хозяин этой квартиры, заявляю, что являюсь автором книг под псевдонимом Тим Ясный. В смерти моей жены, Ермиловой Александры (большая клякса из-за дрожащих рук) Петровны, прошу ви-

нить только меня самого. Я же ушел (как странно писать о том, чего еще не произошло) из жизни добровольно. Прошу не распространять в народ эту информацию и оставить мое доброе имя в истории литературы СССР.”

Березин положил эту записку на стол и выглянул в окно. Там по улице шел одинокий мужчина.

– Эй, товарищ! – позвал его Марк, – позвоните в милицию, срочно. Пусть приезжают по адресу Большая Никитская дом ... квартира 8!

– Что случилось? – спросил незнакомец.

– Вам не понять. Вызывайте скорее!

– Уже бегу! – крикнул человек и побежал за угол.

“Бедный человек. Как он расстроится, когда узнает, зачем я его позвал. Да простит меня бог. Тьфу. Что же я опять!?” – подумал Марк.

Он сел за стол и приставил “Наган” к виску.

Герой посмотрел в окно, затем на тело Саши, нервно сглотнул и посмотрел на письмо. На нем не хватало подписи. Сделав автограф в предсмертной записке, Марк встал и закрыл шторы в комнате.

“В этой квартире уже наступил траур,” – подумал он...